

www.dontsova.ru ● ● ●

Дарья Донцова

Свидание под мантией

Любительница частного сыска
Даша Васильева

**НОВАЯ
книга!**

Любительница частного сыска Даша Васильева

Дарья Донцова

Свидание под мантией

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Донцова Д. А.

Свидание под мантией / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2016 — (Любительница частного сыска Даша Васильева)

ISBN 978-5-699-89239-6

Даша Васильева – мастерица попадать в опасные истории! На этот раз Даша согласилась выручить подругу дочери Тасю и принять участие в психологическом эксперименте. Чтобы изучить поведение людей из разных социальных слоев, подбирались пары богатых, бедных, успешных и маргиналов. Даше необходимо провести неделю, ни на минуту не разлучаясь со студенткой Ксюшей Королевой, причем в малогабаритной квартирке девушки, в которой еще живут алкаш отец, мать и младшая сестра. Даше приходится везде сопровождать Ксю, даже когда ту приглашают в ночной клуб «Павлов». Оттуда они попадают в элитный жилой комплекс «Монпалас», где и начинаются их жуткие приключения. Трупы, шантаж, гипноз... Но Даша и Ксю во всем разобрались, правда, не без помощи Вика – чудного и преданного поклонника Ксю...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-89239-6

© Донцова Д. А., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	36
Глава 8	42
Глава 9	47
Глава 10	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Дарья Донцова

Свидание под мантией

© Донцова Д.А., 2016

© Оформление. ООО Издательство «Э», 2016

* * *

Глава 1

Если гость с широкой улыбкой на лице говорит хозяевам: «У вас маленькая уютная квартирка», – то скорей всего он имеет в виду, что его пригласили в тесную конуру, донельзя заставленную мебелью.

Я посмотрела на ярко накрашенную девушку, которая произнесла эту фразу, и поманила официантку. Думаю, надо заказать еще чая, похоже, разговор предстоит долгий. Или лучше выпить кофе?

– Что желаете? – спросила официантка.

Я взглянула на свою собеседницу.

– Еще латте?

– Давайте, – согласилась та.

Когда официантка, получив заказ, ушла, моя соседка по столику с подростковой запальчивостью воскликнула:

– Почему она так выслуживается? «Что желаете?» Улыбается, кланяется. Неужели ей не противно перед всеми на коленях ползать?

– Это работа, – ответила я, – владелец ресторана велит облизывать клиентов. Девушка, похоже, ваша ровесница, может, она студентка и ей нужны деньги. Клиенты дают щедрые чаевые. И, Ксения, бывают люди, которым приятно услужить другим.

– Рабская психология, – фыркнула Ксюша, – не понимаю, как можно бегать с тарелками туда-сюда? Или, что еще хуже, работать горничной! Позавчера Светка Самойлова позвала всю нашу группу к себе на шашлыки. Я понимала, что у нее в жизни сплошной шоколад, но чтобы так! Честное слово, я чуть не зарыдала от зависти и злости, увидев огромный трехэтажный дом, здоровенные комнаты, спальню Светки, забитую плюшевыми игрушками, горничных, которые, кланяясь, протягивали гостям домашнюю обувь. Я, конечно же, отличилась, посмотрела на сланцы и рывкнула:

– Никогда не переобуваюсь в гостях!

И как поступила домработница? Думаете, стукнула меня по башке тапками? Скорчила презрительную физиономию и процедила сквозь зубы: «Тащат сюда нищету убогую, никакого воспитания»? Или заорала: «Светлана Михайловна, я полы только что помыла, а ЭТА капризничает»? Вот и не угадали! Прислуга мухой метнулась куда-то, через секунду примчалась с влажной салфеткой в руках, встала передо мной на колени и, прежде чем я успела ахнуть, протерла мои отнюдь не чистые сапоги со всех сторон, а потом приветливо сказала:

– Вы правы, в своих как-то удобнее. Просто у нас в доме очень натоплено, вот мы и приносим домашнюю обувь. Если станет жарко, вы только скажите, я мигом вас переобую!

Прикиньте! Горничной стукнуло лет пятьдесят, а она ползает перед студенткой на карачках. Через полчаса рассекания в зимней обуви я и в самом деле вспотела, у Самойловых топили как в террариуме, но глупое упрямство не позволило мне переобуться. Около полуночи Светка пошла провожать тех, кто не остался ночевать: Катьку Фомину, старосту Мишку Лукина и меня.

– Спасибо тебе, – верещала Катька, обнимая Светку, – никогда так не гуляла!

– Да, точняк, – подхватил дурак Лукин, – я готов приезжать к тебе каждые выходные.

– И я рада вас видеть, – улыбнулась Самойлова, – но часто приглашать не могу!

– День приема нищеты раз в году? – не удержалась я от ехидства и замерла в ожидании реакции хозяйки. Мне очень хотелось разозлить ее.

Светка улыбнулась и грустно сказала:

– Мама у меня запойная, сейчас в клинике лежит, поэтому в доме тихо. Но во вторник она вернется, и тогда цирк начнется. Не обижайтесь, ребята, в ее присутствии невозможно

отдохнуть, поэтому я жду, когда она «белочку» поймает и в наркологии окажется, тогда могу вечеринку устроить.

– А твой отец как на ее закидоны реагирует? – задала вопрос Фомина.

Светка пожалала плечами.

– Не знаю! Он давно в Лондон уехал с новой семьей. Нам дом построил, все оплачивает, денег дает без писка, но общаться не желает. Я ему один раз позвонила и услышала в ответ: «Дорогая доченька, купи себе все, что хочешь, но никогда мне не звони, все проблемы решай через адвоката».

– Да уж, не повезло тебе! – с жалостью покачала головой Катька.

Я, не попрощавшись, влезла в огромный джип, который должен был развезти нашу троицу по домам. Похоже, Фомина на всю голову больная. «Не повезло!» Ну и ну! Светка живет в трехэтажном доме, ни в чем себе не отказывает, имеет штат прислуги, не парится о деньгах, да еще мамочку-выпивоху в клинику устраивает. Катька кретинка, она не видела жизни, да и откуда бы ей, дочке правильных родителей, знать, какие бывают предки. Вот кому totally не повезло, так это мне.

Моя собеседница поморщилась и продолжила:

– Мой папахен, Петр Сергеевич Королев, пьянь подзаборная, алкаш со стажем. Вру, под забором он не валяется, наклюкается и приползает домой. С посторонними он вежлив даже после третьего литра, но в семейном кругу любит пакостничать. Остается загадкой, где отец берет деньги на водку, он давно не работает и вынес из квартиры все мало-мальски приличное. Спился урод постепенно, моя мать говорит, что он стал клюкать с началом перестройки, а до того был приличный человек. И в качестве доказательства она обводит рукой нашу квартиру, восклицая:

– Зря ты не уважаешь папу, плохому специалисту жилплощадь государство не даст!

Каждый раз, услышав это, я хочу схватить мамашку за плечи и, тряхнув ее как следует, сказать:

– Посмотри вокруг! Разуи глаза! Хорош дворец! Две крохотные комнаты, одна из них проходная, совмещенный санузел с сидячей ванной и четырехметровая кухня, в которую не влез холодильник. Его пришлось поставить в коридоре у входной двери, и теперь, чтобы спокойно снять обувь, надо протискиваться в ванную и садиться на унитаз. Видно, государство очень ценило заслуги отца, раз расщедрилось на целых двадцать четыре квадратных метра.

Но, думаю, мамахен меня не поймет, как не оценит и степень своей вины в пьянстве мужа. Ну какого черта она не запретила ему квасить? Отчего содержит алкаша?

Один раз я не выдержала и налетела на нее с вопросами:

– Разве разводы запрещены? Зачем мы мучаемся на одном пятакке с идиотом? Гони его вон!

Она, как всегда, захлопала глазами, а потом заплакала.

– Доченька, нельзя быть такой жестокой! Папа хороший, он нас любит, просто заболел, а мы обязаны ему помочь, вытянуть из трясины!

– Так действуй, – разозлилась я, – таскай ханыгу по врачам, закодируй его, отвези на уколы. Если будешь рыдать и причитать, ситуация не изменится.

А она в ответ:

– Человека нельзя ломать, он сам должен пойти к наркологу. Мы обязаны...

Я не стала слушать привычное нытье и ушла. Может, мать чем-то и обязана Петьке (я, когда злюсь, мысленно называю мать Ирккой, а папахена Петькой), да только странно получается, ведь ради его блага она забыла про нас с сестрой. Хорошо, пусть папахен имеет право на безмятежное пьянство, но и мы с Леркой хотим жить нормально, а должны мучиться в обществе проспиритованного чучела! Несправедливо получается.

Ксюша выдохнула и стала жадно пить кофе.

А я размешала ложкой латте, в который не положила сахара. Ну, Дашенька, похоже, тебе предстоит тяжелая неделя. И зачем я только согласилась помочь Тасе Малкиной? Да уж, втянула меня Манюня в историю.

Моя собеседница неожиданно вскочила и со словами:

– Ой, мне в тубзик надо, – убежала в сторону двери, на которой была нарисована булочка с изюмом.

Я уставилась на картинки, украшавшие две створки. Почему просто не повесить таблички «М» и «Ж»? Отчего надо изображать на дверях в сортир не пойми что? Какие только варианты я в последнее время не видела! Но это кафе побило все рекорды. На правой двери нарисована плюшка, а на левой козел. Если владельцы харчевни считают всех мужчин козлами, то тогда на женском сортире следует изобразить козу. Это же логично! При чем тут завитушка с изюмом? Какое отношение она имеет к дамской комнате? Дашутка, спокойно, ты просто злишься на себя за совершенную глупость, поэтому всем недовольна. Сейчас объясню вам, во что я влипла.

У моей дочки Маши есть близкая подруга Таисия Малкина. Манюня с детства мечтала стать ветеринаром, а Тася в первом классе увидела фильм про психолога, который избавлял людей с помощью душеспасительных бесед от всех болезней на свете, и твердо решила стать таким специалистом.

Многие дети, намереваясь лет в десять полететь в космос, изобрести лекарство от рака, расшифровать смысл древних наскальных рисунков, став взрослыми, мирно сидят в разных конторах и, зевая, перекладывают бумажки из одной стопки в другую. Но и Маруся, и Тася сделали все для воплощения в жизнь своих детских планов, они стали теми, кем хотели. Манюня теперь собирается открывать ветеринарную клинику, а Таисия учится в аспирантуре, ее научный руководитель, психотерапевт Прудкин Илья Ильич, известен своими книгами, но главное, он любит проводить эксперименты с людьми. И сейчас строчит очередную монографию, она посвящена проблемам общения представителей разных социальных слоев.

Я когда-то преподавала французский язык в вузе и хорошо знаю, что многие научные руководители считают своих аспирантов рабами. Хочешь успешно защитить диссертацию? Получить степень кандидата наук? Убирай у своего профессора квартиру, выгуливай его собаку, сопровождай его мать в поликлинику, бегай для него за продуктами, копай грядки на даче...

Не хочешь быть бесплатной домработницей? Тогда не удивляйся, что в твоей работе найдется тьма ошибок и кафедра не допустит строптивного аспиранта к защите.

К чести Прудкина надо сказать, что он ничем подобным не занимался. Илья Ильич не переживал из-за пыльных ковров и пустого холодильника, ни матери, ни собачки у него нет. У Прудкина другая фишка. Аспиранты обязаны помогать учителю в его научной работе. Илья велел Таисии провести эксперимент для своей монографии. Суть его проста: берутся два человека, один бедный, другой богатый, молодой и зрелый. И целую неделю они проводят вместе, не расстаются ни на минуту, живут в одной комнате, повсюду ходят вместе. На них надевают приборчики, которые записывают каждое их слово, фиксируют все передвижения. Илья Ильич хочет знать, через какое время представители двух социальных слоев передерутся. И начнут ли они вообще скандалить.

Таисии следовало собрать шесть пар. Ну а теперь скажите, вы согласитесь бесплатно провести семь суток неизвестно с кем, не имея возможности избавиться от спутника хоть на полчаса? Вот за деньги кое-кто может поучаствовать в такой затее. Но Прудкин сказал Таисии:

– У вас будет шесть обеспеченных и шесть бедных. Нищим я выделяю за работу некую сумму. А вот богатым объясните: им оказана честь принять участие в научном эксперименте, их фамилии назовут в монографии.

– Боюсь, что умеющие делать деньги мужчины и женщины не оценят по достоинству оказанную им честь, – заикнулась Малкина, – я не смогу отыскать желающих.

Доктор наук спокойно продолжил:

– Дорогая моя! Давайте поступим так: вы проводите успешный эксперимент, а я за это правлю вашу диссертацию. Если у вас нет времени для помощи научному руководителю, то я не смею настаивать. Но тогда мне придется самому заниматься исследованием, и времени для работы с вашей диссертацией не найдется.

Вам все ясно? Таисия тоже поняла, куда клонит Илья Ильич, и начала искать подопытных. С бедными оказалось просто, они были рады получить от профессора крохотную сумму. А вот как Тасе удалось уломать пять бизнесменов, я понятия не имею. Но пятерых она нашла, не хватало шестого.

Я узнала об этом пару дней назад, когда Тася и Манюня стали уговаривать меня поучаствовать в дурацкой затее.

– Мусик, всего недельку, – щебетала Маша.

– Тетя Дашенька, пожалуйста, – всхлипывала Таисия, – Прудкин мне диссер зарубит.

– Мамулечка, – ныла Маруся, – Таська же тебе как родная.

– Моя судьба в ваших руках, – стонала Таисия.

И я согласилась! Где был мой ум в тот момент? Может, мозг госпожи Васильевой улетел отдыхать на Мальдивы?

Я подумала, что спокойно выдержу недельку, гостя в нашем большом доме никому не помешает. Тася близкий человек, надо ей помочь, и ответила: «Да!»

Но на следующий день оказалось, что все не так радужно. Участников психологического эксперимента собрали в большой аудитории, запустили барабан, и Прудкин начал вытаскивать оттуда бумажки.

– Васильева, – объявил он, развертывая одну полоску, – а сейчас узнаем, кто станет вашей напарницей... Ксения Королева. Отлично. Теперь осталось определить, где вы будете жить.

Я подняла руку.

– У меня. У нас очень удобно!

Илья Ильич взглянул на меня поверх очков.

– Любезная, разве Таисия не довела до вашего сведения, что у нас все решает жребий?

Я растерялась. До моего сведения эту важную информацию не довели.

– На бумажке с вашим именем ставлю цифру один, – продолжал тем временем Илья Ильич, – у Королевой соответственно будет два. У нас есть еще один барабан. Я его запускаю, вытаскиваю жребий, разворачиваю... и... два! Васильева живет у Королевой неделю!

Но это оказался не единственный сюрприз. Прудкин объяснил нам, что те, кто будет жить на территории своего напарника, не имеют права звонить по мобильному телефону никому, кроме своей временной половины, разлучаться с ней, а по всем возникающим проблемам надо находить консенсус.

Грубо говоря, я стану на неделю тенью девушки Ксюши. Та пара, которая не поругается, не подерется, а подружится и сплотится, будет объявлена победительницей эксперимента и получит солидный денежный приз. Да, чуть не забыла, я не имею права пользоваться своей машиной. Я могу кататься на автомобиле Королевой, а если у нее его нет, ездить на общественном транспорте. Нарушить эти условия невозможно, записывающее устройство все зафиксирует.

Услышав все это, я потеряла дар речи. А вот моя напарница деловито спросила:

– Надеюсь, вы купите кофе? И продукты тоже.

Я кивнула. А что оставалось делать?

– Еще вам понадобится раскладушка, – распорядилась Ксения, – маленькая совсем, у нас с сестрой в комнате ваще мегатесно.

И вот сегодня я привезла к Ксении домой сумку со своими вещами (слава богу, меня не заставили носить платья Королевой), походную койку и предложила девушке:

– Давайте попьем чайку. Поблизости есть приличное кафе?

– В нашем убогом районе везде отстой, – скривилась моя напарница, – я знаю одно местечко, но там дорого. А у меня в кошельке типа пусто.

– Пошли, я угощаю, – весело заявила я, – надо же нам познакомиться.

– О'кей, – согласилась Ксюша.

И сейчас, узнав кое-что о девушке, с которой предстоит провести неделю в тесном общении, я поняла, что мне будет непросто. Ксения очень обижена на жизнь, и, похоже, она совсем не добрый человек.

Дверь дамской комнаты открылась, из нее выпорхнула Ксюша.

– Ну, потопали? – спросила она. – Если плюхнемся спать до прихода папахена, есть шанс мирно захрапеть. Вы только не удивляйтесь, когда мою родню увидите, все на голову долбанутые. Я одна в семье психов нормальная.

Глава 2

– Уже надо вставать? – спросил тихий голос.

Ксения высунулась из-под одеяла.

– Спи, шесть утра.

– Не могу, он кричит, – прошептала ее младшая сестра Валерия.

Ксюша села и стала на шаривать тапки.

– Сейчас успокою гоблина.

– Ой, – испугалась Лера, – не надо. Боюсь, – затряслась она, – не ходи туда, пусть орет!

Уже утро! Пора умываться.

Ксения подошла к кровати сестры, села рядом и приказала:

– Не дергайся.

Но Валерия тряслась, как мышшь перед кошкой. Ксения покраснела и повернулась ко мне.

– Наш отец не способен шевелить извилинами, да и нет у него такого органа, как мозг, но мать обязана хоть изредка включать соображалку. Наверное, когда-то он был нормальным человеком, с острым умом и замечательной памятью, именно в то время он и сделал меня. Я удалась на славу. Внешне, правда, самая обычная, из толпы не выделяюсь, шатенка с карими глазами, рост средний, не худая и не толстая, хотя килограммов пять можно скинуть. А вот ума мне боженька отвалил на троих. Сколько себя помню, столько слышала похвалы педагогов. В детском саду я быстрее всех собирала пирамидку и мгновенно разучивала песенки, в школе получала одни пятерки, только пятерки и ничего, кроме пятерок. К куче разных способностей прилагается потрясающая память, мне достаточно один раз прочитать текст, и он намертво впечатывается в мозг. В институт я поступила без всякого блата, учусь на третьем курсе, иду на красный диплом и получу его без проблем. Я не пропускаю занятий, прилежно выступаю на семинарах, и препода, в основной своей массе откровенные козлы, в восторге от старательной Ксюши Королевой. А еще я ловко умею прикидываться паинькой и даже хотела поступать в театральный вуз, но вовремя сообразила: лучше стать психологом, потом можно пристроиться на службу в крупную компанию, получать приличную зарплату, купить себе машину, отдельную квартиру... В общем, со мной все будет в порядке, а вот с Леркой!..

Ксения прижала к себе судорожно всхлипывающую сестру.

– Каким местом думала мамаша, заводя двенадцать лет назад чадо от алкоголика? Сообщив мне о своей беременности, Ирка, как всегда, плаксиво проныла: «Думаю, рождение ребенка заставит Петю одуматься, он увидит младенца и бросит пить!»

Мне в тот год исполнилось всего восемь лет. Разве я слышала о науке генетике, строго предупреждающей дур: поостерегитесь рожать от пьяниц. Я только обрадовалась появлению сестрички, решила, что у меня теперь будет подружка и компаньон по играм. Но мать! Где была ее голова? Похоже, у нее под черепной коробкой опилки вместо мозга. И в результате у нас появилась Валерия, совершенно больная и очень нервная. В двенадцать лет Лерка ходит в третий класс, потому что до сих пор с огромным трудом может прочитать текст и выполнить простое арифметическое действие – сложение. Про умножение и деление лучше не вспоминать, она их, думаю, никогда не освоит. Но вот парадокс, при всей своей бескрайней тупости Лерка пользуется авторитетом в классе, у нее полно друзей, которых она охотно зазывает домой. Сестру совершенно не волнует, какое впечатление на людей произведет наша жуткая нора и пьяный папенька. Лично я перестала приглашать приятелей после того, как папахен устроил на моем девятом дне рождения жуткий дебош и вышвырнул в окно праздничный торт со свечками...

– Ща те покажу-у-у! – донеслось из соседней комнаты. – Убью на ...!

– Петечка, солнышко, не волнуйся, – заканючил женский голос.

Ксения с лыжной палкой наперевес ринулась в большую комнату. Я поспешила за ней и увидела парочку: мужчина лежал на диване, женщина сидела рядом и причитала:

– Милый, очнись, приди в себя.

– Он сейчас танцевать будет, – пообещала Ксюша, сбегала в ванную, притащила кувшин с водой и опрокинула его прямо на алкоголика.

Тот вскочил на ноги и завопил:

– Убью гадов!

Ирина, и не подумав защитить дочь или меня, опрометью кинулась под стол, Ксения выставила вперед палку, пьяное чудовище притормозило.

– Чего замер? – ухмыльнулась дочь.

Папаша пошатнулся, уцепился рукой за стол, все равно не удержался на ногах и рухнул на грязный паркет, стянув скатерть и вместе с ней фарфоровую лампу в виде пастушки. Мат, изрыгаемый Петром, перекрыл звон, раздался отчаянный вопль его жены:

– Моя пастушечка! О нет!!!

Старшая дочь злорадно засмеялась.

– Ага! Есть Бог на свете. Смотрите, Дарья! Пару дней назад муттер приперла домой эту кичуху. Я прямо в восторге забила, когда увидела куполообразный абажур, украшенный кистями из золотых нитей, он крепился на руке обнаженной грудастой тетки, у ног ее сидели два барана, похожие на раскормленных пуделей. Мне стало интересно, где она взяла этот отстой? И что я слышала от мамашки?

«Купила! Давно этот светильничек заметила, мимо витрины ходила и переживала: вдруг кто его схватит! Прямо извелась вся!»

Могла бы не нервничать, в России нашлась только одна особа, захотевшая эту красотищу. Теперь угадайте, сколько этот шедевр стоит? Девять тысяч! А мамашка моет пробирки в каком-то НИИ за жалкие пятнадцать кусков в месяц, и зарплата у нее только через неделю. И где же бабки нашлись? В коробке у меня в комод! Мать залезла в мой запас! Я коплю на мобильный! Но есть Бог на свете, он наказал мамашку, толкнул отца под руку, и он разбил лампу. Ну, муттер, надеюсь, сейчас ты наконец надаешь папеньке оплеух?

– Все ты виновата, – забила в истерике Ирина, – зачем на отца налетела! Из-за тебя пастушка погибла!

– Ксения Королева – демон зла и гоблин в одном флаконе. Молодец, Ирка, – изрекла дочь.

Я молча стояла у полированной «стенки», главным украшением которой был телевизор. Ну и как поступить? Петр запойный алкоголик, а его жена самозабвенно играет роль жертвы. На детей они не обращают внимания. Господин Королев агрессивен и, возможно, опасен. Сейчас он в состоянии похмелья, небось у него болит голова. Неизвестно, что Петр выкинет через пять минут. Что будет, если выпивоха решит отнять у Ксюши лыжную палку? Я могу купить отвратительному субъекту бутылку водки или вызвать похмельщика. Но вот беда, по условиям эксперимента я не имею права ничего менять в жизни Ксюши. Ну, например, снять хорошую квартиру и перебраться туда или отправить пьяницу на лечение в клинику. Если это сделает сама Королева, тогда нет вопросов.

Ксения уперла руки в боки.

– Мать! Ты получила вчера за участие в научном эксперименте десятку! Да?

Ирина молча кивнула.

– Значит, сейчас убираешь бардак, который устроил твой муж, – процедила дочь, – вливаешь в пьяницу кофе и велишь ему сидеть тихо. Иначе она... – Ксения бесцеремонно ткнула в меня пальцем, – удерет отсюда, и тебе придется вернуть двадцать кусков.

– Почему столько? – удивилась Ирина.

– Десятка штрафа за срыв научной работы, – объяснила Ксения, схватила меня за руку и втянула в крохотный совмещенный санузел.

Глава 3

– Сядьте на толчок, – попросила она, – надо кой-чего объяснить.

Я опустила на крышку унитаза и сказала:

– Вам за эксперимент Таисия заплатила больше, чем десять тысяч. И никаких штрафных санкций для участников не предусмотрено.

– Не заплатила, а заплатит, – поправила меня Ксения, – я отдала мамахен аванс, остальное мое. Десятку было жалко, но пришлось с ней расстаться, чтобы Ирка не воняла, увидев вас. Муттер постоянно в поиске бабла, кто ей хоть тыщонку дал, тот ее лучший друг.

– Плохо у вас дома, – вздохнула я.

Ксения села на борт ванны.

– Мать воспитывалась в детдоме. Она появилась на свет при царе Горохе в прошлом веке. Своих родителей не помнит, хотя иногда сочиняет, что в детстве ездила на пони, жила во дворце, спала на шелковых простынях, ела с золотых тарелок. Цирк да и только! Сплошное вранье, которое мамашка выдает в самый неподходящий момент. Один раз заорала в супермаркете в кондитерском отделе:

– Смотри, Ксю, там маленькие пирожные! В родительском дворце повар такие же пек! Мне их в кровать приносили!

Или, как с этой злополучной лампой, она мне набрехала, будто купила ее потому, что такая у ее родителей в спальне стояла. Ни пони, ни золота с шелком, ни фарфора в детстве мамахен не было. А был детский дом в Подмосковье, школа, потом какой-то техникум. Вот чего у нее не отнять, так это упорства, она грызла гранит науки, хоть и дура, а хорошо поняла: единственный шанс вылезти из канализации – это получить образование. Когда она уходила из приюта, ей выделили комнату и помахали ручкой. До свидания, дальше плыви сама.

Через некоторое время Ирка познакомилась с Петром Королевым, своим однофамильцем, и вышла за него замуж. Папашка приехал штурмовать Москву из провинции, из такой дыры, что даже на карте ее нет! От Новосибирска семь часов на автобусе по тайге пилить надо! Впрочем, не знаю, ездит ли там автобус, скорее всего, папахен рассекал на тракторе. Он поступил в столичный вуз, а затем женился на москвичке. Можно было заподозрить его в расчете, но у невесты ничего, кроме красоты, не имелось. Это сейчас Ирка похожа на беременную утку, а в юности она выглядела прилично, да и папашка был симпатягой. Я фотки их видела. В молодости родители не стали сразу заводить детей, в идиотов они превратились позднее. Ирка однажды призналась, что вообще не хотела ребенка, но тут в НИИ, где она работает всю жизнь, а раньше служил и папашка, стали давать квартиры, и, чтобы получить двухкомнатную, товарищи Королевы перестали пользоваться презервативами. Я, так сказать, побочный продукт программы обеспечения населения жильем. Вот Леркой мамахен обзавелась, чтобы заставить мужа бросить пить. Думаю, имей предки тугрики на кооперативные хоромы и не квась Петр по-черному, мы бы с Валеркой никогда не появились на свет. Особых подробностей о прошлом родителей я не знаю, все, что рассказала сейчас, Ирка выдавала порционно в разные годы. Мамахен ненавидит воспоминания, она редко поет про золотые тарелки и пони. Обычно байками на тему «Детство, отрочество, юность» увлекаются старики, а никаких бабушек с дедушками у нас отродясь не было. Ирка родителей не знала, да и папашка своих никогда не вспоминает.

И тут раздался долгий звонок в прихожей, Ксюша, прервав рассказ, метнулась туда и открыла дверь. Санузел она не закрыла, я увидела входящую в квартиру старуху, замотанную в серый платок.

– Вы к кому? – удивилась Ксения.

– Ирина Королева тут проживает? – спросила бабка.

– Да, – кивнула девушка.

– А ты ей кто? – поинтересовалась незваная гостья.

– Дочь старшая, зовут Ксенией, – ответила моя напарница.

– Ну здравствуй, внученька! – заголосила нежданная гостья. – Дай зайти, сейчас все тебе объясню.

Ксюша попятилась. Старуха ужом ввинтилась в квартиру и вытащила паспорт.

– Смотри, ягодка, я Полина Сергеевна Королева, место прописки город Прудное.

Я, выйдя в прихожую, не сдержала любопытства.

– Это где такой город?

– Недалеко, – ответила бабушка. – Так и будете на пороге меня держать или чаем угостите? Сейчас все расскажу. Ирочка-то где? Доченька моя любимая?

Не дожидаясь ответа, Полина Сергеевна вошла в кухню и запричитала:

– Вот она, кровиночка! Красавица.

– Вы кто? – опешила Ирина, сидевшая за столом. – Что за побирушка?

– Нехорошо родную мать обзывать, – ехидно заметила Ксю.

– Чью мать? – не поняла Ирина.

Ксения показала пальцем на гостью.

– Твою.

– Я интернатская, – растерянno пробормотала хозяйка квартиры.

Полина Сергеевна без приглашения опустилась на табуретку.

– Родные мои, не велите казнить. Дайте слово молвить. Я Ирочку родила совсем юной. Ни кола, ни двора, ни денег, ни мужика законного у меня не было. Глупость, конечно, страшная ребенком обзаводиться, но я как девчонку в родилке увидела, так ее и полюбила! Без памяти!

Ирина начала шмыгать носом.

Я дала себе честное слово, что не стану вмешиваться в беседу, но не выдержала:

– Без памяти. Очень точное определение! Сдали новорожденную в детдом и забыли.

– Зря ты кипишь, – мягко сказала Полина Сергеевна, – не знаешь – не говори. Я Ирочку три года воспитывала, во всем себе отказывала, а потом в тюрьму загремела. Родственников никаких, вот дочку в приют и определили.

– Как – в тюрьму? – отшатнулась Ксюша. – За что?

Полина Сергеевна сложила руки на коленях.

– Врать не стану, ну кем может работать малолетняя дуручка, у которой есть дочка?

– Дворничихой, – опять нарушила я обет молчания, – официанткой или в пробке рекламы водителям раздавать.

– Дурашка, – усмехнулась бабка, – уж не двадцать лет тебе, а чушь несешь. Прошлый век, советские годы, деревня при дороге! Ресторан! Реклама! Еще посоветуй мне в опере петь! Не про нас такие занятия, я шоферов обслуживала, чтоб с квартиры не выперли. Избу снимала, огород имела. Есть клиент, в хату веду, нет – огурцы поливаю.

Лицо Ирины приобрело странное выражение, она прищурилась, открыла рот, а Ксения захихикала:

– Вот вам и шелковые простыни с золотыми тарелками! Впрочем, насчет пони, похоже, не вранье, мамахен каталась в детстве на четвероногом животном, но только она перепутала пони с козой. Ой, не могу! Вы проститутка?

– Бывшая, – уточнила Полина Сергеевна. – А потом я в город подалась, там одну женщину убили, на меня вину свалили, ее муж и свекровь так дело обставили: вроде я бабу отравила, чтобы за вдовца замуж выйти. На много лет меня закатали. Но я ни при чем совсем! Подставили они меня, им домработница помогала! От звонка до звонка я все оттрубила и сразу в детдом помчалась, но девочки уже там не было. Директриса, хорошая женщина, выслушала меня и сказала: «Не ищи дочь, не порти ей анкету. Сейчас она под государственной опекой».

И в техникум ее без конкурса взяли, и на работу по льготе устроят. А тут ты объявишься. И что получится? Из сиротки она в дочь уголовницы превратится. Зачем ребенку жизнь портить, что ты ей дать можешь?» Я послушалась умного человека, устроилась на завод, овладела профессией, замуж вышла... вот и все!

На секунду в комнате повисло молчание, потом Ксюша спросила:

– Сейчас-то вы чего приехали? Мы вам чужие!

– Мне детей Бог в браке не дал, – грустно ответила Полина Сергеевна, – муж недавно умер, кто...

– стакан воды подаст, – перебила Ксения, – вот славно получается! Нашла водопроводный кран! Круто придумала! Сначала по рукам ходила, потом человека убила, в лагере попала, на свободу вышла, о дочери заботиться не захотела, а теперь! Здравсти, я твоя мама! Ступай, откуда пришла!

– Понимаю, – не обиделась гостя, – мало кому такое понравится. Жили себе, жили, и тут! Свидание под мантией!

Я с удивлением посмотрела на ту, которая назвалась матерью Иры. Свидание под мантией? Странное выражение, никогда его не слышала.

И тут Ирина с воплем:

– Я так и знала! Чуяла! Ждала! Верила! Ты вернулась!» – повисла на шее у Полины.

– Это дело надо отметить, – засуетился до сих пор молчавший Петр и сайгаком поскакал в прихожую к холодильнику. – Теща, вы водку пьете?

– Терпеть ее не могу, – покачала головой Полина Сергеевна, – лучше кофе.

– У нас теперь бабушка есть, – запрыгала Лера, – вау! Ксю! Суперски!

Я посмотрела на гостью и не сдержалась:

– Сколько вам лет?

– А вы кто? – задала свой вопрос Полина.

Я решила не вдаваться в подробности.

– Подруга Ксюши, временно живу у Королевых.

– Неужто студентка? – поразились бабка. – Уже не юная вы.

– Хорошие отношения могут связывать и разновозрастных людей, – улыбнулась я, – кстати, о возрасте. Вы прекрасно выглядите, смотрите одной дочери. Вас трудно назвать старой.

– И не надо, – парировала Полина, – я родила Иру в школьном возрасте. Едва тринадцать справляла.

– Рано, – вздохнула я.

Полина развела руками.

– Так вышло, изнасиловал меня один мужик. Не хочется вспоминать.

Ксения развернулась и убежала к себе в комнату. Я пошла за ней.

– Похоже, все сошли с ума! Обрадовались бабке, – начала возмущаться напарница, увидев меня. – Где будет спать старуха? В нашем клоповнике негде поставить еще одну раскладушку! Может, бабулю вывесить за окно? Засунуть в пакет – и наружу, стебно получится, заодно она и свежим воздухом подышит.

У Ксении в кармане затрещал телефон.

– Кого надо? – сердито спросила она.

– Ксю, ты? – произнес баритон.

Трубка была поставлена на громкую связь, и я прекрасно слышала, что говорит мужчина.

– Да, – слегка удивленно отозвалась Королева.

– Привет. Как жизнь? – поинтересовался незнакомец.

– Суперски.

– Что делаешь?

– В салон красоты решила заскочить, маникюр, педикюр сделать, – лихо соврала Ксения.

– Пошли вечером в «Павлов».

– Куда?!!

– В «Павлов», – повторил ее собеседник, – у меня два приглашения есть.

Ксюша быстро прервала разговор:

– Идиоты!

– Кто? – не поняла я. – Парень был мил, приглашал на вечеринку. Извини, я нечаянно подслушала беседу, у тебя громкая связь работала.

– Мобильный сломался, – обиженно загудела Ксения, – теперь весь свет слышит мои разговоры. Не отключается динамик. Я деньги на новую трубу копила, а мать их сперла и на тупую лампу потратила. Это розыгрыш. Кто-то с курса прикалывается. Думают, я куплюсь, побегу в клубешник и дверь поцелую. Фиг им.

– Голос был приятный, – улыбнулась я. – Может, это правда?

Ксения засмеялась.

– Ты... то есть вы...

– Раз уж мы временно стали сиамскими близнецами, давай перестанем выкать, – предложила я.

– Ты уже старая, – зачирикала Ксюша, – не в курсах про тусню. «Павлов» – самый пафосный клуб Москвы, любая девчонка из нашего института помчится туда со скоростью гепарда. Говорят, ложа в «Павлове» стоит десять тысяч евро за ночь, там оттягиваются сплошные олигархи.

Телефон Ксении снова зазвонил, она ткнула пальцем в клавишу.

– Так ты занята? – спросил незнакомец. – Извини, связь прервалась.

– Слушай, как тебя зовут? – не выдержала Ксюша.

– Не узнала?

– Не-а.

– Степа.

– Какой еще на фиг Степа! – взвилась Королева. – Ритка! Корали! Это ты меня разыгрываешь? Попросила френда Ксюшу развести?

– Прости, что не назвался сразу, – загудел парень. – Степан Рубцов, мы с тобой вчера вместе кофе пили.

Ксюша швырнула мобильный на кровать Леры и зашипела:

– Ну это точно Ритка придумала! Степан Рубцов – сын очень богатого бизнесмена, ездит на крутой иномарке и всегда окружен симпатичными блондинками в фирменных шмотках. С какой стати он мне звонит? Хотя про кофе правда. Вчера после второй пары я пошла в наш буфет, купила стакан бурды под названием «Американо» и села за пластиковый столик. Вокруг было пусто, народ не жалуется институтскую харчевню, в нее ходят лишь те, у кого проблемы с деньгами, ректор велел установить в столовой «социальные цены», но и качество еды там тоже социальное. Ни за что бы не приперлась туда, но на дворе декабрь, на лекции я сидела у незаклеенного окна, холод пробрал до костей, в кошельке всего двести рублей, стакан дерьма в столовке стоит пятьдесят, а на поход в приличное место мани нет. Глотаю бурду, радуясь, что она горячая, потом посмотрела в сторону кассы и чуть не подавилась. Там стоял Степан. Как всегда, прекрасный, джинсы, рубашка, ботинки – все с лейблами от самых известных фирм, на запястье часы стоимостью с квартиру, волосы подстрижены и уложены в лучшем салоне, вдобавок от него пахло шикарным парфюмом, а в руке он держал роскошный бумажник из крокодиловой кожи. Но на кассиршу он впечатления не произвел.

– Ты че мне сунул? – возмутилась она.

– Кредитку, – растерянно ответил сын олигарха. – Visa-голд.

– Наличные готовь, – заявила бабень.

– У меня их нет, – сказал Степа, – снимите деньги с карточки.
– Чем? Руками с пластика соскрести? – завизжала тетка. – Ваше, е-мое! Давай червонец!
– Не сердитесь, – попросил Рубцов, – я здесь впервые, думал, кредитки берут. Вот, заберите кофе назад.
– Ты же пил из стакана!
– Ой, да, верно, простите, – залепетал богатенький Буратино, – глупо получилось, машинально глотнул.
– Не хочешь платить? – насупилась баба.
– Денег нет, – пискнул Рубцов.
– Ша охрану позову, – пригрозила кассирша.
– Прошу вас, не надо, – взмолился Степа, – я сбегаю к банкомату и...
– А фиг тебе! – завывала буфетчица. – Знаю я вас! Ломоносовы! Кофе хлебал? Слюней в стакан напустил? Плати! Или в ментовку захотел?
– Что делать? – забубнил Рубцов. – Хотите часы в залог оставлю?
Я чуть не заржала, да уж, тяжела и неказиста жизнь сына финансиста! Будильник стоимостью с хорошую двушку Степа собрался отдать за грошовый кофе.
– Будь добра, – внезапно сказал Рубцов, глядя на меня, – выручи, пожалуйста? У тебя есть наличка? Я попал в идиотскую ситуацию.
В моем кармане лежали считанные рубли, но признаться в отсутствии денег мне было стыдно.
Я небрежно протянула ему купюру.
– На, держи полтинник.
– Ой, огромное спасибо, – обрадовался он. – Тебя как зовут? Меня Степа.
– Ксюша, – ответила я.
Отдав кассирше купюру, Степан сел за мой столик, отхлебнул пару раз из стакана и с ужасом спросил:
– Это как называется?
– Кофе, – пояснила я.
– Правда? Прикольно, – протянул красавчик.
– Мало похоже на капучино в «Третьяковке», – хмыкнула я.
Только не подумай, что я заглядывала в место массового скопления позолоченных деток, просто знаю название ресторана, а еще мне не хотелось, чтобы Степа принял меня за нищенку, поэтому я сказала:
– Замерзла на лекции, решила горячего глотнуть, никогда раньше сюда не заходила. Такой отстой. А ты чего приперся?
– Так тоже продрог, – шмыгнул носом Степа, – прямо окоченел весь, Игорь Лукьянов посоветовал: «Стояй в буфет!» Слушай, Ксюша, я должен тебе деньги вернуть, ничего, если после лекции? Не успею сейчас до банкомата добежать.
В моем кошельке осталось две копейки, если учесть, что стипендия через две недели, а подработки пока нет, то полтинник мне был жизненно необходим, но выглядеть в глазах Рубцова голодранкой не хотелось.
– Забей, – махнула я рукой, – разве это бабки?
– Любая копейка может пригодиться, – серьезно возразил Степа.
– Ты, оказывается, зануда, – засмеялась я, – а по внешнему виду и не скажешь.
В коридоре зазвенел звонок, Рубцов вскочил.
– Хорошо, я тебе звякну, сходишь со мной куда-нибудь?
– Непременно, – кивнула я, хорошо понимая, что это всего лишь вежливая фраза, у Степы есть с кем резвиться на тусовках...
Ксюша посмотрела на трубку, лежащую на узком диванчике.

- Рубцов давно забыл про долг, для него пятьдесят рублей не деньги.
- А вдруг это правда он? – предположила я. – Возможно, ты понравилась ему.
- Да нет, – отмахнулась Ксения.
- Почему? – возразила я. – Ты хорошенькая.
- Тупо одетая, езжу на метро, не принадлежу к девчонкам, от которых такие, как Степа, тащатся, – мрачно объяснила Ксюша.
- Встречаются люди, не обращающие внимания на бренды, – продолжала я, – поговори с ним нормально, согласишься на встречу.
- Трубка опять затрезвонила.
- Извини, – уже другим тоном произнесла Ксюша, – что-то связь чудит, все время нас разъединяет. Я тебя вспомнила.
- Так как? – обрадовался Степа. – Или в «Павлове» слишком шумно?
- Ксюша изобразила равнодушие.
- Ну... ладно, если ты настаиваешь.
- Супер, – явно обрадовался Степан, – я заеду за тобой около полуночи, «Павлов» в ноль часов открывается, лучше прийти пораньше, я заказал нам ложу, идет?
- Угу, – согласилась моя напарница.
- Диктуй адрес, – велел Рубцов.
- Знаешь, где находится «Монпалас»? – спросила девушка.
- Такой здоровенный небоскреб с позолоченным шпилем?
- Да, бывал там? – спросила Ксюша.
- Прикольно, в «Монпаласе» у маминой подруги Розы Львовны апартаменты.
- Не знаю такую, – живо ответила врунья, – там жильцов полно!
- И не надо с ней знакомиться, – сказал Рубцов, – я понял, в полночь прибуду, говори код.
- Что?
- К вам во двор так не въехать, надо код квартиры знать, иначе охрана не откроет.
- Слушай, – понизила голос лгунья, – мои предки странные. Бесполезняк объяснять им, что я давно стала взрослым человеком. Не разрешают мне садиться за руль! Боятся, что разобьюсь.
- Моя мама, если я не звоню ей каждые два часа, моментально поднимает на ноги полицию, – засмеялся Степан. – Сначала я злился, а потом привык.
- На тачке мне ездить нельзя, – фантазировала Королева, – в метро, по мнению отца, тоже опасно, в такси садиться запрещено, о том, чтобы бомбиста поймать, и речи быть не может. Короче, после девяти вечера меня никуда не выпускают.
- Вот бедняжка, – сказал с сочувствием Рубцов.
- Но мне охота потусить!
- Я тоже тайком от предков удираю, – признался Степа.
- Скажу своим, что еду ночевать к бабушке, а сама с тобой в «Павлов» подамся.
- Глупо, – хмыкнул Рубцов, – они позвонят твоей бабке и выяснят правду.
- Нет, – засмеялась хитрованка, – понимаешь, я живу с мачехой, второй женой отца, она замечательная, но терпеть не может мою мать, они не разговаривают, и отец с бывшей супругой не общается. Бабушка же – мать моей родной мамы, сообразил?
- Вроде да, – ответил Рубцов.
- Ксению понесло на волне лжи.
- Дедушка академик, он за мной на тачке заезжает, сам за рулем. Отец даже в окно не смотрит, чтобы его, не дай бог, бывший тесть не заметил. Если папа увидит, что я сажусь в незнакомую машину...

Я замахала руками. Нелогично получается: либо отец не смотрит в окно, тогда он не увидит иномарку, либо следит за дочерью, и тогда заметит автомобиль. Но Степан не заметил нестыковки.

- Ясно, – ответил он, – я припаркуюсь на улице.
- Со мной будет Дарья, – воскликнула Ксюша.
- Ладно, – согласился Степа, – позову Мишку, чтобы твоей подруге не скучать.
- Она старая, – захихикала Ксюня.

Я молча слушала девушку. Интересно, как она объяснит свою дружбу с рассыпающейся от древности дамой?

– Дарья моя дуэнья, – выпалила Королева, – родители наняли ее, чтобы я одна нигде не ходила. Да ты не переживай! Она своя в доску, замечаний не делает, будет в сторонке сидеть молча.

– Ага, – протянул парень, для которого наличие соглядата оказалась, похоже, не очень приятным сюрпризом.

- Она малину не потопчет, – заявила Ксения и отсоединилась.
- Ступай одна, – попросила я, – бессонная ночь не входит в мои планы.
- Забыла про это? – спросила напарница, показывая на браслет на руке, – он каждое слово пишет. Мы должны быть всегда вместе.
- Верно, – вздохнула я.

Ксения округлила глаза.

– Пли-и-из! Мне так хочется в «Павлов»! Это единственный шанс туда попасть. А я потом твоё желание исполню. Мы всегда договоримся. Уступи мне, я уступлю тебе, и приз за сплоченную пару будет наш.

– Хорошо, – согласилась я, – идем в «Павлов».

Ксения швырнула трубку, взвизгнула и кинулась к шкафу.

* * *

Без четверти двенадцать мы с Ксюшей подъехали к забору «Монпаласа». Я молча, чтобы браслет не записал ни слова, сунула Ксю деньги на такси.

Мы вылезли из наемного экипажа и встали неподалеку от проходной. Мне было тепло в уггах и пуховике, а спутница сразу заклацала зубами.

На улице декабрь, правда, мороза нет, под ногами слякоть, но все равно холодно, в особенности если на тебе короткая юбка из искусственной кожи, чулки, ботфорты из клеенки, тонкая блузка и куртка из Чебурашки.

- Если Степан задержится, ты превратишься в эскимо, – сказала я.
- Ннет, ммне жарко, – возразила, трясась, Ксюша.

За спиной зашуршали шины, я обернулась. Из роскошного седана вышел парень и, открыв дверцу, сказал:

- Давно стоите?
- Только вышли, – еле шевеля замерзшими губами, ответила Ксюша и живо юркнула в машину на переднее сиденье.

– Извините, – начал каяться Рубцов, – я пошел в гараж, а мой «БМВ» не заводится, пришлось мамину машину брать, пока ключи нашел... Дарья, вас музыка не раздражает?

- Ни на минуту, – ответила я.
- Говорила же, она супер, – воскликнула Ксюша, – у нас с дуэньей полное взаимопонимание.
- Классно выглядишь, – сделал ей комплимент Степа.

Ксюша, пропрыгавшая больше часа в ванной, подбирая наряд, накручивая волосы и накладывая макияж, небрежно обронила:

– Пришлось надеть что попроще, иначе мать могла спросить, зачем я так к бабке вырядилась!

– Мне не нравится, когда девчонки напяливают на себя шмотки стоимостью в миллион, – вдруг заявил Степа. – Сколько ни объяснял маме и сестре, что неприлично ходить в шубах из снежного барса, они не слушают и разгуливают в манти. Это аморально и жестоко по отношению к животным! Вы не сердитесь, что я опоздал? Ксю, я звонил тебе, а трубка отвечала: абонент недоступен.

Я расстегнула пуховик. Ну, Ксюша, твой ход. Я-то знаю, что она оставила трубку в комнате, предварительно отключив ее. Увидев мой удивленный взгляд, напарница пояснила:

«Не могу этот отстой взять. Сейчас у всех айфоны, а у меня дерьмо кнопочное, да еще только по громкой связи орет. Увидит Степан это чудо и удивится. У богатой девочки такого быть не может. Ну почему мне не посчастливилось появиться на свет в скромном трехэтажном особняке на Рублево-Успенском шоссе? Отчего крутые родители достались Светке Самойловой? Чем я хуже?..»

– После нашего разговора я пошла в салон голову помыть и потеряла трубку, – фыркнула студентка, – это уже пятая за полгода, отцу пока не сказала, он на меня за рассеянность злится.

– Все равно узнает, – покачал головой Рубцов, – начнет звонить тебе и все поймет.

– Ага, – изобразила грусть выдумщица, – глупо, конечно, я веду себя, как страус!

Степа притормозил у супермаркета.

– Пошли!

– Зачем? – изумилась Ксения.

– Давай, давай, – приказал Рубцов. – Дарья, вы с нами?

Я молча вылезла из иномарки.

– Сюда, левее, во! Супер! – командовал парень и в конце концов привел нас в бутик. –

Ну-ка, покажи, какая у тебя мобила была?

Я с интересом наблюдала за развитием событий.

– Вон тот! Только белый, – небрежно заявила Ксения.

– Слышь, – приказал Степа продавцу, – нам вон тот, но белый!

Юноша с той стороны прилавка зевнул.

– Завтра приходи.

– Это почему? – не понял Рубцов. – Нам сейчас надо.

– Мало кому че надо! – заржал торгаш. – Ночь на дворе, товар тока с витрины.

– Белого нет? – настаивал Степа.

– На складе есть.

– Так сходи за ним.

– Он закрыт.

– А где ключи?

– В дупле на полке, где воют волки, – схамил продавец.

Степа покраснел, а я расстроилась, сейчас Рубцов полезет в драку, торговец вызовет полицию, и вечер закончится плачевно.

Но события развивались иначе. Степан широко улыбнулся, вынул бумажник, выудил из него купюры, показал их хаму и мирно сказал:

– Может, это поможет тебе открыть ключи?

Юноша лениво опустил глаза на деньги... Никогда до сих пор я не видела столь быстрой трансформации человека. Наглец вскочил со стула и начал кланяться.

– Секунду, я очень быстро, минуточку, ща...

Через десять минут Ксюша стала обладательницей сотового, о котором даже мечтать боялась, еще из-под прилавка появилась сим-карта с отлично запоминающимся номером, наглый юноша держал ее для особых клиентов.

– Теперь отец не будет тебя ругать, – довольно заметил Степа, усаживая нас в машину, – скажешь, что номер поменяла, мол, старый слишком многие знают, надоели звонками. Дарья, вы же Ксю не выдадите?

– Нет, – улыбнулась я.

А Ксюша настолько была ошеломлена подарком, что забыла сказать «спасибо».

Глава 4

Когда мы вошли в ложу, Степа, радостно закричав: «Селфи», сделал несколько снимков своим телефоном, потом утащил Ксюшу на танцпол, а я устроилась на красном бархатном диванчике. Помещений, смахивающих на купе поезда, в клубе было всего четыре, и в них весело проводили время мужчины средних лет и девочки, с виду подростки.

Часа через два показалась раскрасневшаяся Ксюша и спросила:

– Ты Степана не видела?

– Нет, – ответила я, – он в ложу не заходил.

– Если вы ищете парня, с которым пришли, – сказал официант, который как раз принес в ложу блюдо с фруктами, – то он уехал, велел вам клубнику подать.

– Счет кому принесут? – испугалась Ксюша.

Парень наклонил голову:

– Деньги уже в кассе, отдыхайте.

– Эй, Королева! – завизжал кто-то. – Ау!

Мы с Ксенией одновременно посмотрели с балкончика вниз. Вход на второй этаж, где находились ложи, преграждала охрана, около накачанных парней в черных костюмах прыгала на высоченных каблуках высокая худая девушка.

– К вам можно? – запищала она. – Устала, посидеть хочу, ну, плиз, Королева!

– Пустите ее, – попросила Ксения секьюрити.

Красавица влетела в ложу, плюхнулась на диван, со стоном скинула босоножки на шпильке и заняла:

– Умираю! Воды! Ноги до колен парализовало! Вот уж не ожидала тебя тут встретить! Вау! Ложа! Круто! Ты с кем пришла?

– Это Дарья, – представила меня Ксюша, – она не из Москвы, наша родственница из Парижа, интересно ей поглядеть, какая в России ночная жизнь.

– Нели Закоркина, – устало произнесла гостя, – мы с Ксю на одном факультете тухнем.

– Очень приятно, – улыбнулась я.

– Вы вдвоем? – проявила любопытство Нели. – Взяли ложу? Ну ваще! Денег не считаете.

Ксения закатила глаза.

– Нас Степа Рубцов пригласил, а тебя как сюда занесло?

– Я в модельном агентстве подрабатываю, нас в клубы приглашают для создания атмосферы, – призналась Нели. – На сегодня, правда, уже все, теперь я могу домой переть!

Около часа мы втроем сидели на диванчике, болтая о пустяках, и почувствовали явное расположение друг к другу.

– Ксюха, а ты прикольная, – неожиданно заявила Нели, – хоть в институте народ о тебе разное треплет!

– Ну тебя тоже не очень-то любят, – хмыкнула Королева. – За шмотки и брюлики.

Закоркина возмутилась:

– Я в курсе, чего гонят! Будто я продаюсь за тряпки! Ошибаются, я стою намного дороже, нашим дурам даже в голову не приходит, че можно с мужиков поиметь!

Нели вытащила из сумочки коробочку, насыпала на стол немного белого порошка, при помощи кредитной карточки сформировала из него «дорожку» и радушно предложила:

– Хотите? Не стесняйтесь. У меня много.

– Нет, – твердо ответила я, – и тебе не советую.

– Ерунда, – отмахнулась Закоркина, – это ж не герыч! Так, для тонуса! Вы тут еще долго просидите?

Я решила прервать веселье.

- Уходить собираемся!
- А давайте завалимся ко мне, – предложила Нели.
- Нет, – зевнула я, – Ксении завтра рано вставать.
- У меня поспите, – не успокаивалась Закоркина.
- И в ботфортах на занятия? – возразила я.
- У меня одежды целая гардеробная! Бери че хочешь, – начала упрашивать Закоркина, – какая вам разница, где дрыхнуть? Ну плиз!
- Я посмотрела на Ксению, которая рылась в своей сумочке.
- Ну, Королева, – ныла Нели, – пли-и-из!
- Уговорила, едем, – тряхнула головой Ксения.
- Супер! – взвизгнула Нели. – Почапали, моя красавица на улице стоит, во двор ее не пустили! А где ваша машина?
- Я заулыбалась.
- Нели, мы отойдем в туалет?
- Ладушки, – согласилась Закоркина.
- Мне туда не надо, – возразила Ксю, но я дернула ее за руку и утянула в сортир.
- Встав у зеркала, обрамленного варварски великолепной рамой в стразах, я строго сказала спутнице:
- Мы так не договаривались. Не хочу ночевать неизвестно где. Поехали к тебе домой.
- Не получится, – вздохнула Ксения.
- Почему? – не поняла я.
- Королева сунула мне под нос свою открытую сумочку.
- Я ключи оставила дома. Сейчас два часа, мамахен и папахен дрыхнут.
- Нехорошо будить родителей, но придется, – уперлась я.
- Плевать на них, – махнула рукой Ксения, – другое плохо, у нас подъезд закрыт на замок. К нему надо приложить кругляшку, тогда откроется. А ее нет. Днем это не проблема, подождешь немного, кто-то войдет-выйдет и тебя впустит. А ночью как? Это не домофон, в квартире не звонит. Хочешь до утра на холоде у запертого подъезда скакать?
- Нет, – вздохнула я.
- Тогда поехали к Нельке. – предложила Ксюша.
- И что было делать?
- Хорошо, – согласилась я.
- А ты не противная, – неожиданно сказала Ксюша, – когда я тебя впервые в кабинете профессора увидела, подумала: «Во гадостно будет, если мне эта пожилая крыса в пару достанется».
- Ну ты мне тоже не понравилась, – не осталась я в долгу.
- Это почему? – обиделась Ксюша.
- Когда я тебя в кабинете у Прудкина увидела, подумала: «Вот гадостно будет, если мне эта молодая дурочка в пару достанется».
- Ксения поджала губы, а потом рассмеялась.
- Один-один!
- Мы вернулись в ложу и вместе с Закоркиной пошли на улицу.
- Где ваша машина? – второй раз поинтересовалась Нели.
- Давай на твоей поедем. Фигли нам караваном кататься? – нашла выход Ксюша.
- Когда Нели воткнула ключ в зажигание, я решила уточнить свои шансы остаться живой.
- Ты хорошо водишь?
- Не дрожите, Дарья, – заржала Закоркина и понеслась по почти пустым улицам со скоростью обезумевшего носорога.
- Ты где живешь? – поинтересовалась я.

– В «Монпаласе», – ответила Закоркина.

* * *

Хоромы однокурсницы Ксюши оказались на самом последнем этаже, Королева вошла в просторную прихожую и не удержалась от восхищенного возгласа:

– Вау! Всю жизнь о таком мечтаю!

– Угу, – почему-то грустно ответила Нели, – симпатная квартирка.

– Сколько тут комнат? – с плохо скрытой завистью поинтересовалась Ксения.

– Две спальни, – сказала Закоркина, – и кухня-столовая!

– Повезло тебе! – подпрыгнула Ксения.

– Ага, – кивнула Нелька.

– Дорого небось заплатила, – никак не могла успокоиться Ксюша, – дом элитный, двор охраняемый, лифт в зеркалах, на лестничной клетке ковры.

Закоркина стащила сапоги.

– Квартира съемная, – неохотно пояснила она.

– Тысяч на сто в месяц тянет! – присвистнула Ксения. – Неужели в твоём модельном агентстве столько платят?

Нели скривилась:

– Ага! Щаз! Пятьдесят баксов за показ, еды не дают, вода за свой счет!

Ксения повесила свою куртку во встроенный шкаф.

– Выглядишь ты отлично, одежда модная, ездишь на машине, наши считают тебя богатенькой. Я сплетням не очень верю, но сейчас смотрю на обстановку и понимаю, деньги у тебя точно водятся!

Внезапно требовательно зазвонил телефон, но Закоркина не поторопилась к трубке, она замерла с выпученными глазами.

– Эй, ты чего не отзываешься? – удивилась Ксюша.

– А... ммм... ну... – промямлила Нели, – наверное, номером ошиблись!

– Ты экстрасенс? – удивилась я. – Как определила, не взяв трубку, кто там?

– Меня так поздно обычно не беспокоят! – нервно воскликнула Закоркина.

– Вдруг это родители? – предположила я. – Хотят убедиться, что дочка дома.

– Нет!!! Они не могут! – заорала Нели.

– Мало ли что случилось, слышь, как надрывается, давай я подойду? – предложила Ксюша.

– Не бери! – завизжала Закоркина. – Не трогай, не смей, дура, идиотка!

Она со всего размаха швырнула в однокурсницу сапог и унеслась по коридору, телефон звонил еще пару секунд и стих. Я в недоумении посмотрела на валявшийся сапог.

– Вообще-то полагается обидеться и уйти, но прыгать у подъезда не хочется, – задумчиво протянула Ксюша. – Да и мороз ночью ударил.

– Простите меня, – закричала из глубины квартиры Закоркина, – идите сюда!

Мы двинулись по коридору и в конце концов оказались в гигантской кухне, под завязку забитой разнообразной техникой. Нели сидела на высоком барном стуле, а на стойке валялась кредитка и виднелись белые следы.

– Извините, – плаксиво протянула она, – башню свинтило!

– Если будешь и дальше кокаин употреблять, в полную дуру превратишься, – мрачно сказала я.

Закоркина затрясла головой.

– Я совсем даже не наркоманка. Просто боюсь.

– Кого? – спросила я. – Тут дюдюка живет? Или Фредди Крюгер под кроватью прячется?

– Заткнись! – заорала Закоркина и швырнула в меня чашку.

Не понимаю, как я успела увернуться. Красивая кружечка попала в стену и дождем осколков осыпалась на вычурный паркет. Это было уж слишком!

– Вау! – ахнула Ксюша. – Ну ваще! Она с ума сошла!

Я развернулась и пошла в прихожую. С меня хватит! Закоркина бухнулась мне в ноги, вцепилась в мои колени и завывала:

– Не бросайте! Не уходите! Он убьет меня!

Я попыталась высвободиться. Куда там! Нели держала меня мертвой хваткой.

– Он меня убьет, – повторяла она, – зарежет!

И тут снова зазвонил телефон. Закоркина вскочила, схватила трубку, сунула ее мне и осела на пол. Я на секунду растерялась и услышала чуть глуховатый баритон, явно принадлежащий мужику.

– Визу, Нелечке плохо, – сказал он. – Здравствуйте.

– Э... э... э... – ошалело ответила я и с изумлением посмотрела на трубку. Каким образом собеседник может видеть, что происходит в квартире? А он явно наблюдает за нами, иначе как понял, что трубка не у Закоркиной.

– Спокойно, – ласково продолжал незнакомец, – не волнуйся, Нели в последнее время коксом увлеклась. Это плохо! Давай познакомимся, я Леон. Открой холодильник, – прозвучал следующий приказ.

Я протянула руку и тут же была остановлена:

– Это шкафчик, подайся левее. Открывай. Видишь на второй полке спрей, баллончик такой темно-синий?

– Нет, – сказала я.

– Внимательно гляди! Слева!

– А-а-а, – протянула я.

– Бери его, засунь Нели в рот и нажми на распылитель, она быстро придет в себя. Когда она начнет соображать, передай ей привет от Леона, больше я беспокоить вас не стану, устал, завтра позвоню. Спокойной ночи. Попроси Нели не натягивать на ночь ужасную желтую сорочку, она ей совершенно не идет.

Леон отсоединился.

– Эй, ты с кем болтала? – удивилась Ксюша.

– Понятия не имею, – ответила я, – с мужчиной по имени Леон, кажется, он видит нас. Велел впрыснуть Неле лекарство.

– И где оно? – изумилась Королева.

Я вытащила из холодильника баллончик и направилась к хозяйке квартиры. Не успело едкое, с резким запахом облако попасть в рот к Закоркиной, как та открыла глаза и простонала:

– Спасибо! Молодец! Догадалась спрей взять!

– Мне Леон посоветовал, – призналась я.

Закоркина взвизгнула, отшатнулась, потом заскулила:

– Не убивай меня, пожалуйста!

– Похоже, у тебя от кокаина с нервной системой беда, – сказала я.

– Ты знаешь Леона, – прошептала Нели.

– Никогда с ним не встречалась! – честно ответила я.

– Но... только что... баллончик... – задрожала Закоркина, – не ври... Леон... не убивай меня!

Ксюша села на пол возле безумной подруги и попыталась достучаться до ее разума.

– Ты нанюхалась кокса и ушла в астрал, а Даша взяла телефонную трубку!

– Ой! – сжалась в комок Нели.

– Ты сама мне ее сунула, – зачем-то стала оправдываться я. – Со мной заговорил мужик с глухим голосом.

– Леон!!! – прошептала Закоркина.

– Верно, он так и представился, – кивнула я. – И сказал мне про спрей.

– О-о-о!

– Потом сообщил, что идет спать. И все!

– Все? – пролепетала наркоманка. – Ничего больше не сказал?

– Просил тебя не надевать ночную сорочку желтого цвета, – вспомнила я.

– Подонок! – подскочила Закоркина. – А ну, давайте сюда!

Не успела я опомниться, как Нели схватила нас с Ксенией за руки и втокнула в платяной шкаф.

Глава 5

Очутившись внутри огромного гардероба, Ксюша возмутилась:

– Эй, с тобой совсем кранты?

– Тише, – умоляюще прошептала хозяйка, – это единственное место, где мы можем спокойно поговорить.

– В шифоньере? – уточнила я. – Ну, прям «Лев, колдунья и платяной шкаф».

– Давайте сядем, – прошептала Закоркина, сдернула с вешалок пару свитеров, бросила на дно и плюхнулась на них. – Устраивайтесь и поймите: я не сумасшедшая.

Ксюша кивнула.

– Ага, только обожаешь нюхать кокс, швыряться предметами, уходишь в астрал, а вернувшись, лезешь в шкаф. Совсем нормальная!

Нели затрясла головой:

– Помогите мне!

– Брось нюхать кокс, и тебе сразу полегчает, – отрезала Королева.

Нели засопела.

– Выслушайте меня, умоляю! Я попала в жуткую ситуацию! А теперь еще и Леон! Знаете, сколько на мне долгов? Триста тысяч!

– Ни хрена себе, – вздохнула Ксения, – гора рублей.

Закоркина мрачно усмехнулась:

– Королева, ты не въехала! На мне висит триста тысяч долларов, и счетчик включили.

Я опустилась на дно гардероба.

– Сколько?

– Три сотни тысяч зеленых! – повторила Нели.

– Умереть не встать! – ахнула Ксения. – Как же ты умудрилась столько назанимать? Придется квартиру продавать!

– Она не моя! Уже говорила! Съемная! И не я аренду плачу! – простонала студентка.

– А кто? – удивилась я.

– Додик! Мужик один! – проныла Нелька. – Мы с ним немного пожили вместе, потом он исчез.

По моей спине пополз озноб. Какой-то Додик, триста тысяч в американской валюте... Похоже, девица вляпалась в скверную историю.

– У меня друзей нет, – шептала Нелька, – умоляю, хоть вы выслушайте.

– Говори, – после небольшой паузы согласилась я.

И Закоркина принялась изливать душу. Родители у нее умерли, последнее, что успела сделать мать, это полностью заплатить за высшее образование дочери. Нели родом из Подмосковья. В местечке под названием Грязево живет ее бабушка, дремучая старуха, а от матери в Москве осталась комната в коммуналке, одиннадцатиметровый пенал, восемь соседей, кухня одна на всех, ванной нет. Это даже не квартира, а общежитие.

Придя впервые на занятия, Закоркина приуныла, похоже, на курсе собрались сплошь дети миллионеров. Основная часть студентов уже имела личные автомобили и одевалась с иголочки. Нет, попадались в аудиториях и убогие ботаны, но их в компании не звали, а Закоркиной хотелось примкнуть к «золотой молодежи», вот только шанс попасть в заветный круг был равен нулю. Туда принимали только шикарно одетых, с тачками. О какой машине и шубе могла идти речь, если Нелечке подчас нечем было пообедать? Выручали поездки к бабке. Окончательно оголодав, Закоркина уезжала в Грязево, отпивалась там молоком, набивала сумку домашними заготовками и некоторое время жила сыто. Но в тусовку, где крутились самые модные девочки и наиболее привлекательные мальчики, путь Нели был заказан.

Помог случай. Однажды Закоркина решила украсть в магазине кофточку, нацепила ее на себя, покрутилась у зеркала, уже собралась содрать защиту и смыться, но тут раздался низкий голос:

- Девушка, не хотите попробовать себя в модельном бизнесе?
- Кто тут? – взвизгнула Нели.

Из-за занавески, разделявшей примерочные кабинки, высунулась женская рука, потом появилась и сама дама.

– Привет, я Нина Терехова, владелица агентства «Модикс», приходи к нам, мы хорошо платим.

- Сколько? – спросила Закоркина.
- Пятьдесят долларов за рабочий день, – сообщила Терехова, – поверь, это шикарно.

Вечно голодной Нели сумма показалась запредельной, она ушла вместе с Ниной, так и не украв кофточку. Терехова не обманула первокурсницу. Первую неделю Нина исправно давала ей обещанные деньги, научила модельной походке, сделала множество фотографий Закоркиной, в том числе в бикини. И пошла играть гармонь. Симпатичная Нели нравилась клиентам, ее часто звали для съемок. Задумала некая мебельная фирма сделать каталог, скучно же, когда на снимках одни диваны, диваны, диваны... Надо оживить картинки. Нели являлась тем самым «оживляющим» аксессуаром, сидела в разных позах на подушках. Через некоторое время она сообразила, что Терехова ее нагло обманывает, берет с заказчиков нехилые суммы, а ей отстегивает всего пятьдесят баксов.

Закоркина закатила истерику, Нина ткнула ей в нос подписанный контракт и спокойно ответила:

– Никто тебя не заставлял. Хочешь расторгнуть договор, плакать не стану! Плати неустойку и вали на все четыре стороны.

– Что? – не поняла девушка.

– А вот тут маленькими буквами написано, – охотно пояснила Терехова, – читай: «Если одна из сторон настаивает на прерывании контракта ранее оговоренного срока, она выплачивает второй стороне двадцать тысяч евро, при этом вторая сторона имеет право не удовлетворить первую сторону и взять с нее сумму за моральный ущерб вдвойне». Ясно и понятно! Гони еврики! Сорок штук.

– У меня их нет! – обомлела Нели.

– Тогда работай, – хищно улыбнулась Терехова.

Закоркина ощутила себя мышью в мышеловке, а Нина расплылась в улыбке.

– Ладно, будешь получать шестьдесят баксов! Как звезда! И прекрати носом хлюпать. Так и быть, я переведу тебя в сопровождение. Используй предоставленную возможность, ищи мужа! Не тни, времени у тебя года два-три, потом в тираж выйдешь!

Нелька стала оказывать эскорт-услуги, бегала по тусовкам с мужчинами, чаще всего с голубыми, которым для создания нормального имиджа требовалась девушка-блондинка. Пару раз фото Закоркиной с вечеринок попало на страницы модных изданий, и мнение однокурсников о Нели полярно изменилось. «Золотые детки» захотели дружить с ней, а она не растерялась и наврала всем с три короба: что она дочь богатых родителей-дипломатов, папаша с мамашей сидят за границей, откуда шлют дочурке шмотки. В Москве Закоркину стережет злобная бабка, старуха не разрешает ей садиться за руль автомобиля и приходит в ярость, если внучка выражает желание пригласить гостей. О деревне Грязево Нели не упомянула бы даже под пытками.

Снимки в журналах косвенно подтверждали ее слова, а мужчины, нанимавшие эскорт-сопровождение, никогда не признаются, что спутница веселится с ними за деньги. Закоркина не боялась разоблачения, весело проводила время, в институте она стала звездой. На тусовках было много еды, вещи она иногда получала в подарок или попросту крала в магазинах. Мастерство воровки студентка отточила до совершенства.

Некоторое время назад судьба свела Нели с симпатичным Додиком. Он не испытывал никаких проблем с деньгами, раскатывал на шикарной машине, имел квартиру в «Монпаласе» и завтракал в ресторане «Манио». За время общения с ним Нели получила шубу, дорогие часики, пару колечек, мобильный телефон и поселилась в благоустроенной двушке парня. Потом Додик исчез, просто не пришел ночевать.

Нели сначала не беспокоилась, она прождала любовника до трех утра и легла спать. В восемь дверь в квартиру распахнулась, вошли два незнакомца в коротких кожаных куртках, бесцеремонно сели в кресла и сказали:

– Деньги отдаешь?

– Какие? – затряслась Закоркина.

– Триста тысяч, – сказал один.

– Баксов, – очень вовремя уточнил другой.

– Вы, наверное, ошиблись, – затряслась Неличка, – не в ту дверь попали. Я всего лишь модель.

– Про Додика слышала? – спросил один из незваных гостей.

Он так нехорошо ухмылялся, что Нели предпочла сказать правду:

– Да, мы вместе живем.

– И где он? – продолжал допрос парень.

– Не знаю, – пробормотала Закоркина, – он ночевать не пришел.

– Ясенько, – протянул парень в кожаной куртке. – Вот, читай!

В руках у Нелички оказалась бумажонка, на которой она увидела косо написанное слово «рОсписка».

– Это чего? – заволновалась манекенщица.

– Глазками работай, – ласково велел другой уголовник, – озвучь текст вслух.

– Ага, – засмеялся первый незванный гость, – а то мы неграмотные, может, не сообразили, че там накалякано, объясни нам!

Оцепенев от страха, Нели начала читать:

«Я, Дундуков Игорь Михайлович, паспорт серия, номер, кличка Додик, отдаю в счет проигранных мною трехсот тысяч долларов Закоркину Нели Ильиничну...»

– Скумекала? – поинтересовался первый.

– Нет, – ошарашенно ответила Нелька.

– Твой Додик проиграл нашему хозяину бабки, – зевнул второй, – разделся весь, но лавэ отдать не смог. Должок на тебя переведен. Или ты его отдаешь, или мы твои хозяева.

– На меня? – залепетала Закоркина. – Почему? За что? С ума сойти!

– Объясни, Рома, – велел второй парень.

– А че языком трясти? – пожал плечами Роман. – Ты теперь наша, что хотим, то с тобой и сделаем.

Нели вцепилась в край кровати, ущипнула себя, но гадко ухмыляющаяся парочка не исчезла, это был не дурной сон, а страшная реальность.

– Юра, – неожиданно спросил Роман, – скока ща на рынке килограмм шашлыка стоит?

– Не знаю, – безмятежно ответил Юрий. – У меня баба за харчами бегают, ну... триста рублей, наверное!

Роман повернулся к Нельке:

– А ты скока вешишь?

– Сорок пять килограммов, – прошептала Закоркина.

Рома вытер лоб ладонью.

– Значитца, сдавать тебя на мясо невыгодно. Всего тринадцать пятьсот получим, в рублях!

Юрий заржал, а Нели заплакала.

– Хорош сопли пускать, – приказал Роман. – Теперь ты работаешь на нас!

– И ты согласилась?! – воскликнула я.

Закоркина сгорбилась.

– А что мне оставалось делать?

– Никто не имел права требовать с тебя чужой долг! – объяснила я.

– Додик мною расплатился, – загундосила Закоркина.

– Следовало вызвать полицию, – посоветовала я.

– Больно ты умная, – огрызнулась Нели. – Посмотрела бы я на тебя под дулом пистолета.

Как мне с двумя парнями справиться? Слушай, дальше будет еще мерзотнее.

На следующий день после визита уголовников Неле позвонила Терехова и сказала:

– Тебя перекупили.

– Кто? – ахнула Закоркина. – Зачем?

– На других горбатиться будешь, – истерично взвизгнула Нинка. – Наш контракт разорван.

Не успела Неличка оценить ситуацию, как позвонил Роман и приказал:

– Наводи марафет, в пять за тобой машина заедет!

И Закоркина стала выполнять поручения других хозяев. Самое интересное, что ее никто не обижал, а работа оказалась привычной. Девушка сопровождала на тусовки мужчин. Через семь дней в «Монпалас» приехал Юрий и бросил на стол конверт со словами:

– На жрачку.

Внутри лежала тысяча долларов, и Нели слегка воспряла духом. Пока что никаких неудобств от смены хозяина она не испытала, даже зарплата стала выше.

Примерно через месяц после исчезновения Додика Нели поздно вечером решила устроить себе праздник, заказала пиццу, залезла в ванну, налила в воду всяких снадобий и решила оттянуться по полной. Но не успела она расслабиться, как затрезвонил телефон.

– Здравствуй, милая, – вкрадчиво сказал незнакомый голос, – давай познакомимся, я Леон!

– Ну привет, – милостиво ответила Нели.

– Какая ты красивая в пене, – заявил мужик.

Закоркина усмехнулась:

– Ты чего, меня видишь?

– Конечно, – зашептал мужик, – на бортике ванны стоит бокал с вином, а на голове у тебя розовая шапочка. Кстати, купи голубую, мне кажется, что этот цвет больше подойдет к твоим глазам! Мы с тобой поладим, если расскажешь мне свои тайны.

Нелька взвизгнула, швырнула трубку, схватила полотенце и бросилась опускать жалюзи на окне. Она сразу сообразила, что произошло. В доме напротив устроился наблюдатель, вооруженный хорошей оптикой. Подглядывание за соседями – хобби некоторых людей. Не успела Закоркина опустить жалюзи, как аппарат вновь ожил.

– И полотенце плохое, – сообщил Леон, – нятяни халат, только не шелковый, что на крючке, а махровый.

– Ты меня до сих пор видишь? – ахнула девушка.

– Ну конечно, – подтвердил Леон, – рассказывай мне свои тайны.

И началось! Леон принялся терроризировать Нели. Закоркина решила не отвечать на звонки, а телефон, как назло, трезвонил без конца. Потом приехал Роман и заорал:

– Чего трубку не берешь, дура!

Манекенщица рассказала ему о Леоне, но Рома не поверил Нели, дал ей пару легких зуботычин и велел:

– Если еще раз такой фокус устроишь, отдам тебя бойцам, пустят по кругу!

И Нели оказалась меж двух огней, с одной стороны Роман, с другой – Леон, который требовал от нее: «Расскажи мне все свои тайны, до конца!»

Услышав в очередной раз его просьбу, девушка решила выполнить ее, иначе ведь псих не отстанет. Но не успела Закоркина произнести фразу: «Я медленно снимаю блузку», как Леон в гнев оборвал «Шахерезаду»:

– Мне совсем не это надо!

– А что? – растерялась Нели.

– Выкладывай свои тайны.

– Ей-богу, я не врубаюсь, чего ты хочешь, – честно призналась Закоркина.

– Говори то, о чем никогда никому не сообщала, – велел Леон. – Ну?

– В шесть лет я утопила котенка, – пробормотала она, – хотела посмотреть, как он поплывет...

– Умница, – похвалил Леон, – начинай с самого раннего детства, ничего не упускай. Я выслушаю все твои истории очень внимательно.

Глава 6

Очень скоро у Нели от постоянного нервного напряжения началась депрессия. Чтобы хоть как-то расслабиться, она принялась нюхать кокаин. И теперь она панически боится оставаться одна. Если кроме нее в квартире кто-то есть, Леон не звонит, и манекенщица спокойно ложится спать. Хотя слово «спокойно» тут неуместно, Нели спит в спортивном костюме, живет с постоянно опущенными жалюзи и не принимает ванну.

– Ты вообще не моешься? – опешила Ксюша.

– В фитнес хожу, – мрачно пояснила Закоркина, – там есть душ. Я вам все рассказала, можно уже выйти из гардеробной.

Мы с Ксюшей облегченно вздохнули. Моя напарница свернулась калачиком на диване, положила голову на валик и сказала:

– Думаю, ты зря так перетрусилась. Для начала уезжай из «Монпаласа». Скорей всего, этот Леон и в самом деле живет в доме напротив, у него какая-то супермощная аппаратура, для которой жалюзи не помеха, и он самый настоящий маньяк.

– Ему секс не нужен, – возразила Закоркина.

– Так психи разные бывают, – пожала плечами Ксюня, – каждому свое подавай. Сваливай отсюда.

– Не могу, – прошептала Нелька.

– Это почему? – удивилась ее сокурсница.

– Куда мне идти? – всхлипнула Нели.

– К себе домой! – посоветовала подруга.

– В коммуналку? Королева, тебе этого не понять! – взвизгнула Закоркина. – Не всем же так, как тебе, повезло!

– И в чем заключается мое везение? – прищурилась Ксения.

Закоркина обхватила плечи руками.

– Ты не знаешь жизни! Весь институт в курсе, что у тебя родители ученые, доктора наук, профессора! Живешь в шикарной квартире. И где мы с тобой сегодня встретились? В «Павлове».

Я молча слушала Закоркину. Видела бы она крохотную двушку Ксении, ее пьяного папеньку, странную мать. Я вздохнула.

– Нели, ты говорила, что Леон не звонит, если дома кто-то есть?

– Ага, – кивнула та.

– Но сегодня, несмотря на то что мы с Ксюшей находились рядом, он объявился. Почему?

– Не знаю, – плаксиво протянула девушка. – Мне жутко, страшно, че делать?

– Собирай шмотки и сваливай по месту прописки, – предложила Ксения. – Завтра прямо с утра иди к ректору и все ему честно расскажи. Александр Иванович хороший человек, у него большие связи, он позвонит в полицию, попросит, чтобы с тобой там поговорили честные люди. Ну есть же в полиции хоть один нормальный сотрудник!

– Ага, – заорала Нелька, – и все узнают правду? Что я нищая, убогая? Хорошо тебе, дочурке академиков! Мне еще два года учиться! Ни в одну компанию меня не позовут.

Нели схватилась за грудь и осела на пол.

– Что с тобой? – испугалась я.

– Под лопаткой горячо, – прошептала она, – будто сигаретой туда ткнули, дышать больно, рука немеет. На столе бумажка... там... телефон врача... под фигуркой... звонить надо только туда... упаси бог ноль три...

Я подбежала к уродливой бронзовой поделке и увидела листок, на котором было напечатано: «Памятка. Врачебная помощь», далее шли цифры. На набор номера понадобилось несколько секунд.

– «Скорая» слушает, – незамедлительно ответил мужской голос.

– Женщине плохо! – сказала я.

– Дай... я сама, – прошептала Нели.

Я сунула ей трубку.

Вскоре в квартире разнесся звонок, я пошла открывать дверь, испытывая удивление. Вот такая оперативность, пяти минут не прошло!

Пока врач осматривал Нели, мы с Ксюшей стояли в коридоре. В конце концов доктор вышел к нам и сказал:

– Забираем.

– Куда? – робко поинтересовалась я.

– В больницу.

– А что с ней?

– Инфаркт, – коротко рубанул мужчина в белом халате.

– Он же только у стариков бывает! – изумилась Ксюша.

– Ошибаетесь, – возразил эскулап, – сердце и в детстве заболеть может. Парни, кладите ее на носилки.

Два санитары выполнили приказ.

– Странно, однако, – пробормотала Ксения, когда за доктором захлопнулась дверь.

– К сожалению, врач прав, – вздохнула я, – сердце может подвести даже младенца. Мы с тобой не очень хорошо знаем Нели. Я ее вообще пару часов назад впервые увидела. Может, у нее врожденный порок сердца.

– Я не об этом, – протянула моя напарница. – Видела Нельку, когда ее на носилках уносили? Выглядела она очень даже хорошо, щеки розовые, губы яркие, ну совсем не похожа на умирающую. Несколько месяцев назад в нашем доме из сороковой квартиры увозили бабу, вот она жутко выглядела.

– По-разному бывает, – вздохнула я, – здоровую женщину в клинику не положат. Врач мне листок сунул, там указано, куда повезли Нели. Куда я его дела?

– Он у тебя из кармана торчит, – подсказала Ксения.

Я вынула бумажку и прочитала вслух «Медицинский центр жилого комплекса «Монпалас». Двадцать четыре часа. Страховка включена в квитанцию».

– Вот почему доктор так быстро прибыл и денег не взял, – осенило Ксюшу, – крутяк! У них тут все есть.

Я положила визитную карточку на консоль у стены.

– Сомневаюсь, что в местной домовой амбулатории способны оказать помощь больной с инфарктом. Скорее всего Закоркину отправили в какую-то больницу.

Ксения зевнула.

– Ну и ночь!

Я посмотрела на часы.

– Да уж. Скоро утро. Поехали отсюда. Ключей у нас, правда, нет, но дверь можно захлопнуть.

– Сил идти нет, – пожаловалась Ксения, – давай поспим часок. Сейчас пять. Я поставлю будильник на шесть, вскочим и смоемся.

Предложение было глупым, надо было вызвать такси и уехать, но я вдруг ощутила жуткую усталость.

– Устроюсь в гостиной на диване, – пела Ксюша, – а ты иди в спальню.

– В комнату, которую просматривает маньяк Леон? – возмутилась я. – Ну уж нет.

Я обошла всю квартиру и обнаружила чуланчик без окон. Там стояли узкая кровать и один стул. Я упала поверх одеяла на топчан. Для кого сия спальня? Может, здесь должна спать домработница? Долго рассуждать на эту тему не получилось, мои глаза сами собой закрылись.

Глава 7

– Даша, вставай, – сказал над ухом женский голос.

– М-м-м, – пробормотала я. – Что, уже утро? Кто это? Оставьте меня в покое!

Чьи-то руки схватили меня за плечи, начали трясти.

– Даша, очнись! Скорей!

С трудом разлепив веки, я увидела растрепанную бледную Ксюшу, на щеках ее ярко выделялось несколько красных пятен.

– Поднимайся быстрее, – зашептала она, – надо удирать!

Но я никак не могла осознать происходящее.

– Где я?

– В «Монпаласе», в квартире Закоркиной, – еле слышно ответила Ксю. – Побежали! Давай, давай! Потом все объясню! Шевели лапами. Ну!

Я встала.

– Только умоюсь.

– Нет! – отрезала Ксения. – Если не хочешь огромных неприятностей, натягивай джинсы, и рвем отсюда!

– Что происходит? – удивилась я, у меня гудело в голове. – Сколько времени?

– Час дня, пошли, не тормози, иначе худо будет.

Пребывая в глубочайшем недоумении, я живо оделась, очутилась на лестничной клетке, хотела вызвать лифт, но Ксения схватила меня за руку.

– Нет, бежим по ступенькам вниз.

Ничего не понимая, я повиновалась. Когда мы оказались на первом этаже, Королева чуть приоткрыла дверь, ведущую в холл, и прошептала:

– Я очень умная! Самая сообразительная.

Продолжая еле слышно нахваливать себя, Ксения вынула телефон и через пару секунд забубнила:

– Алло, охрана! Скорей поднимитесь в сороковую квартиру, на меня напали! Спасите!

Из холла послышался бодрый топот, потом воцарилась тишина.

– Драпаем, – скомандовала Ксюша, – не тормози, секьюрити наверх попер.

Мы выбежали в пустой холл подъезда, пересекли двор, выскочили на улицу и помчались вперед. Через пару минут я увидела небольшое кафе и остановилась.

– Ксюша! Что происходит?

Королева всхлипнула.

– Ужас! Хорошо, что мы убрались незамеченными! Как холодно! Жутко! У меня в желудке ледяной шар для боулинга лежит.

Я взяла свою напарницу под руку.

– Пошли, закажем кофе, ты согреешься и расскажешь, по какой причине мы удрали из «Монпаласа» не умывшись.

– Хочу домой, – залязгала зубами спутница.

– В вашей квартире поговорить не удастся, – возразила я.

Ксюша вздрогнула и молча схватилась за ручку двери харчевни.

Нам повезло, небольшой зал оказался пуст, мы получили по стакану вполне сносного латте, и я узнала что случилось.

Королеву, мирно спавшую в гостиной на диване, разбудил звонок в дверь. Если вы всю ночь гуляли, а потом ненадолго задремали, мозг не способен работать трезво. Услышав залиvistую трель, Ксения спросонья решила, что за дверью Нели. Никакого инфаркта у сокурсницы нет, врач ошибся, а в клинике сразу разобрались что к чему и отпустили Закоркину домой.

Ксюша распахнула входную дверь и испугалась.

На пороге стояла не Нели, а женщина неопределенных лет, одетая в брючный костюм. Незнакомка была очень высокой, с огромным носом и больше походила на мужчину, чем на представительницу слабого пола. Ее темные волосы спускались на плечи, лоб закрывала густая челка, все лицо покрывал тон цвета загара, веки были раскрашены разноцветными тенями, губы пламенели красной помадой.

– Разбудила вас! – грубым прокуренным голосом воскликнула она. – Но уже утро. Разрешите представиться, я Инга, новый администратор «Монпаласа», сегодня знакомлюсь с жильцами. Уважаемая Нели Ильинична, поступила годовая оплата за вашу квартиру. Вы перечислили ее через банк, я пришла подтвердить вам получение денег и поблагодарить за то, что отдаете их заранее. По всем вопросам можете обращаться ко мне: протечки, шум в неположенное время, испорченная вентиляция.

Ксюша выдохнула. Ее мозг наконец-то заработал как надо. Тетка в брючном костюме – новый администратор, она не знает пока тех, кто обитает в пафосном месте. Интересно, сколько жильцов наорет на женщину за ее появление без приглашения в утренние часы? Ксения заулыбалась, эта Инга считает ее Закоркиной, можно не трястись от страха. И кто оплатил Нельке эти хоромы? Бандиты, на которых сейчас пашет однокурница? Ну это навряд ли! Неужели у Додика проснулась совесть? Или у хитрющей Закоркиной есть еще один благодетель, о котором она не упомянула, рассказывая о вагоне своих неприятностей? Везет же некоторым! Нели будет шиковать в роскошной фатерке, а Ксюша спать на раскладушке и слушать вопли пьяного папаши. Все эти мысли в секунду хороводом закружились в голове Королевой, и вдруг до нее добрался смысл слов Инги.

– Пойдите, – решила уточнить она, – апартаменты оплачены на год вперед?

– Да, Нели Ильинична, – кивнула администратор, – ровнехонько за двенадцать месяцев! Живите счастливо.

– Мерси, – поблагодарила Королева, заперла дверь, пошла в гостиную, и тут на столе затрезвонил ее новый телефон. Номер был скрыт.

– Да, – ответила Ксения. – Это кто?

– Степан Рубцов, извини, вчера так глупо вышло, – зачастил юноша, – представляешь, я встретил...

– Ой, Степочка, – перебила Ксения, – это я по-идиотски поступила! Случайно наткнулась в туалете на свою подругу, на секундочку зашла в ее ложу, глотнула шампанского, чуток поплясала, смотрю – шесть утра. Ты злишься?

– Э... нет, – промямлил Рубцов, ожидавший скандала от девушки, которую нагло бросил в клубе.

Вот только Ксюша ни за что не хотела показывать ему свою обиду, она решила вести себя так, чтобы Степа считал себя брошенным.

– Раз уж вчера так дерьмово получилось, – продолжил он, – давай сегодня тусанемся.

– Спасибо, нет, – с достоинством ответила Ксения, – родители велели не выходить из дома.

– Значит, ты маменькина дочка, – решил поддеть ее Степа, но Ксюша мирно ответила:

– Конечно! Стараюсь не ссориться с предками.

– Но в гости к тебе прийти можно? Посидим, музыку послушаем, – танком поехал на баррикаду Рубцов. – Ты же в «Монпаласе» живешь? Скажи номер квартиры!

И тут только до Ксюши дошло, какой замечательный шанс послала ей судьба! Нели нет, она в больнице! Королева может пригласить в ее хоромы Степу, прикинуться хозяйкой, пусть Рубцов посмотрит на пейзаж, а потом растреплет в институте, как замечательно она живет.

– Приходи через полчаса в «Монпалас», – велела Ксю.

– О'кей, – обрадовался парень.

Ксюша кинулась было в ванную, но остановилась, что, если Нели отпустят из больницы, она вернется домой, увидит ее со Степой и заорет: «Королева! Че в моей хате делаешь?»

Надо узнать, в какую больницу положили Закоркину, и выяснить, когда ее выпишут.

Вы уже поняли, что Ксения на редкость сообразительна?

Девушка схватила визитку, которую я положила на консоль, и быстро набрала указанный там номер.

– Слушаю, – ответил мужской голос.

– Вчера я вызывала машину для больной, не знаете, куда ее увезли? – прошептала Ксения.

– Погодите секундочку, – прозвучало в ответ. – Ночью забрали госпожу Закоркину Нели Ильиничну.

– Верно! – обрадовалась Ксю.

– Она сейчас находится в медцентре «Талисман», хотите телефон? – предложил администратор.

– Спасибо, говорите, – еще больше обрадовалась Ксюша и через минуту набрала другой номер.

– Алло, – вновь ответил мужской голос, – центр «Талисман».

– К вам ночью положили Закоркину... – начала Королева.

– Секундочку... Нели Ильиничну?

– Точно! Пожалуйста, позовите ее к телефону, – попросила студентка.

– Кого? – уточнил дежурный.

– Нельку! То есть Нели Ильиничну, мне очень надо с ней поговорить! Или ее уже домой отпустили? – расстроилась Ксения.

– Закоркина лежит в реанимации. В палату интенсивной терапии нельзя вносить телефон, – после короткой паузы объяснил собеседник.

– Но она же может в коридор выйти! – заныла девушка.

– У Закоркиной состояние крайней тяжести, – пояснил дежурный.

– Значит, ее пока домой не отпустят? – уточнила Ксюша.

– Эту информацию следует узнавать у лечащего врача.

– Пожалуйста, скажите, – замурлыкала Королева.

– Девушка, Нели Ильиничне плохо, сколько она пробудет в клинике, одному Богу известно, месяц, два, три, – буркнул мужчина и бросил трубку.

Волна радости накрыла Ксюшу с головой. Вот оно, счастье! Одна! В шикарной двухкомнатной квартире! Ксения поживет в «Монпаласе» до возвращения Нели.

Не чуя под собой ног от радости, девушка еще раз пробежалась по квартире. Господи, и это все ее?! Пусть временно, всего на несколько недель, но как здорово почувствовать себя богатой.

На пике восторга Ксюша вспомнила обо мне и испугалась. Куда подевалась Васильева? Неужели она, недовольная ее квартирой, пьяным папашей, устав от суматошной ночи, удрала домой? Ксюшечка не получит свое вознаграждение за эксперимент, не заработает приз, положенный самой сплоченной паре. Радость, испытанная от временного обладания собственной квартирой, разом потухла, но Ксюша быстро пришла в себя. Нет, нет, Даша не выглядела капризной истеричкой, просто она ее в огромных апартаментах не нашла. Надо поискать напарницу и рассказать о визите Рубцова.

Ксения заметалась по немереным квадратным метрам и в конце концов обнаружила крохотный чуланчик и меня, сладко похрапывающую на топчане. Но разбудить меня она не успела, раздался звонок в дверь. Девушка полетела в прихожую. Она решила так: если я проснусь и выйду в гостиную, Степан не удивится, он же знает про дуэнью. А Васильева сообразительная, она поведет себя правильно.

Ксюшенька выдохнула и открыла дверь.

– Неплохая хата, – одобрил Рубцов, проходя в гигантскую кухню, – повезло тебе, а мне предки пока ничего не покупают, бабки при себе держат. Будешь шампанское?

Не дожидаясь ответа, Степа схватился за горлышко бутылки и... уронил ее, пробка с оглушительным взрывом вылетела, за ней рванула белая пена, и через пару мгновений пол был покрыт пузырящейся лужей.

Ксения на автомате открыла дверцу под мойкой, схватила тряпку, вытерла плитку и сказала:

– Не переживай, в баре полно спиртного.

– Ловко ты полы моешь, – похвалил Степа, – а моя сестра не знает, с какого конца к швабре подойти.

Ксюша постаралась удержать на лице улыбку. Вот на таких мелочах и ловят шпионов! Разве богатая девушка бросится сама устранять безобразие? Конечно, нет, она позовет домработницу или зарыдает при виде лужи. А она продемонстрировала усердие Золушки! Ну не дура ли! Немедленно надо исправить ситуацию!

– Терпеть не могу горничных, – скривилась Ксюня, – косорукие неумехи! Ни разу нормальная не попала! Сколько они мне свитеров испортили! Вчера я очередную выгнала, уж лучше самой полы мыть!

– Моя мама тоже постоянно прислугу меняет, – кивнул Степан. – У тебя в баре початая бутылка коньяка стоит, можно попробовать? Мать не заругается?

Ксюша расслабилась, Рубцов ей поверил!

– Это моя квартира, сама всем распоряжаюсь, хоть литр выпей!

– Столько мне слабо, – хихикнул Степа, доставая коньяк. – Повезло тебе, Ксю, моя мать дома сухой закон установила.

Ксения взяла фужер за тонкую ножку и задержала дыхание. Что хорошего в коньяке? Воняет отвратно, но, похоже, Степе нравится, он аж глаза от удовольствия закрыл! Воспользовавшись тем, что кавалер весь ушел в смакование пойла, Ксения выплеснула содержимое своего бокала в раковину, обернулась и увидела, что Степан, не открывая глаз, тихо опускается на пол. Рубцов вел себя как герой плохого голливудского фильма, сначала он подогнул колени, сел, затем лег, разбросал в разные стороны руки и замер.

– Эй, приколист, – засмеялась Ксения, – вставай! Ау! Хорош прикидываться и...

Окончание фразы застряло в горле, изо рта Степы поползла тоненькая струйка слюны, девушка бросилась к парню.

– Ты чего? Ушибся? Поднимайся скорей!

Тело Степана скрючилось, лицо исказилось, глаза закрылись. Ксения перепугалась.

– Степочка! Дорогой! Скажи хоть словечко! Тебе плохо? Воды?

Рубцов молчал, девушка ринулась к мойке, наполнила стакан, поднесла его к губам Степы... и тут неожиданно затрещал телефон. Ксения чуть не задохнулась от ужаса, а трубка все трещала, не умолкая. В конце концов Ксюша подумала, что это Закоркина очнулась и решила узнать, что дома творится. Стараясь казаться спокойной, Ксюня сказала:

– Аллю.

– Главное, не нервничай, это Леон! – произнес мужской голос. – Без паники, знаю, Нели в больнице, ее вчера увезли, но мне нужна ты, красивая девочка, послушная, умница. Я люблю таких и всегда их награждаю.

– Да пошел ты! – рявкнула Ксения.

– Конечно, ты можешь отсоединиться, но как избавишься от трупа? – поинтересовался Леон.

Ксюша похолодела.

– Ты о чем?

– Бедный мальчик, – заохал мужик, – скончался на месте. Что ты подсыпала в коньяк? Цианистый калий?

Ксения уставилась на Степу, увидела его закрытые глаза, плотно стиснутые губы, перевела взгляд на лежащий около парня почему-то не разбитый стакан, разлитую воду и прошептала:

– Мама! Я никого не убивала! Он сам упал.

– Конечно, родная, но что скажет полиция? – зудел в ухо Леон, пока Ксения пыталась сделать шаг на ватных ногах. – Приедет бригада, на кухне труп, а кто провел с юношей его последние минуты? На кого повесят убийство? Солнышко, самые нехорошие подозрения у парней в форме вызывает тот, кто обнаружил жмурика или в чьем присутствии несчастный умер! Сидеть тебе в тюрьме, кошечка. Но, как я уже говорил, мне нравятся умные девочки, поэтому я помогу тебе.

– Что тут можно сделать? – прохрипела Ксюша.

– Все, моя красавица, только обещай, что будешь послушной, – протянул Леон.

У Ксюши неожиданно перестали трястись руки. Она поняла, что надо делать. Леон понятия не имеет, кто сейчас находится в апартаментах Закоркиной. Он ни разу не назвал ее по имени, говорил: красавица, кошечка... Мужик сумасшедший подглядыватель, он видит все, что происходит в квартире Нели, но если Ксюша уйдет и более не переступит порог «Монпаласа», Леон ее никогда не найдет.

Ксения быстро нажала красную кнопку на трубке, запихнула ее за диванные подушки, чтобы не слышать звонков, кинулась в чулан, растолкала меня...

И вот мы сидим в кафе, где, слава богу, никого, кроме нас, из посетителей нет.

Ксюша схватила свой бокал с латте, одним махом опустошила его, потом выдохнула:

– Фу-у-у! Ушли! Оцени, как я ловко от секьюрити избавилась, отправила его в квартиру Закоркиной. Хорошо, что охранник в подъезде один.

Я молча выслушала Ксению, потом осторожно спросила:

– Ты уверена, что Степан умер? Думаю, надо вернуться и посмотреть на Рубцова.

Ксю разинула рот, потом повертела пальцем у виска.

– Алло, гараж! С ума сошла? Нас сразу заметут. В квартиру охрана поскакала, мужик Рубцова увидел, полицию вызвал или «Скорую», не о чем переживать.

Я перестала слушать Ксению. Ну, Дашенька, и попала ты в историю. Сейчас перед тобой во всей красе возник излюбленный вопрос россиян: что делать? Случись это месяц назад, я бы мгновенно помчалась к Дегтяреву, но, простите, не успела рассказать. Некоторое время назад Александра Михайловича отправили на пенсию, потом объясню вам, почему это произошло. Новый начальник расформировал отдел полковника. Дегтярев вместе с четырьмя бывшими коллегами, близкими друзьями, сейчас загорает на тропическом острове, куда их отправил Тема, сын полковника. Мне не к кому бежать за помощью.

Ксюша тронула меня за руку:

– Эй! Ты же не бросишь меня? Не удерешь к себе домой?

Я молча смотрела на нее. Если честно, то я испытываю огромное желание прямо сейчас ринуться в Ложкино и поскорее забыть Королеву. Но если я поступлю так, научный руководитель Таси, обозленный тем, что его эксперимент прервался, сделает все возможное, чтобы Малкина никогда не защитила кандидатскую диссертацию. Я видела профессора всего один раз, но по рассказам Таси поняла, что он злопамятен, мстителен и любит демонстрировать свою власть тем, кто от него зависит. Я не могу подвести Тасю, для которой кандидатский диплом – пропуск на престижную работу. Кроме того, у Ольги, мамы Малкиной, большое сердце, у нее уже был инфаркт. Оля узнает, что дочь не получит степень... Нет, я не имею права сбежать. Но что делать?

– Мне очень нужны деньги, – продолжала Ксюша, – просто ужасно. Мне необходим этот приз.

– Неоригинальное желание, – пробормотала я, – удивилась бы, скажи ты: мне не нужны деньги.

Ксюша опустила голову.

– Ладно, объясню, зачем мне бабло понадобилось. Вовсе не на телефон, планшетник, шмотки, как я раньше говорила. Хочу папахена в платную наркологическую клинику пристроить. Тетя Нюра, соседка наша, своего мужа туда определила. Через три месяца его другим сделали, он вот уже пять лет не пьет. Это дорого. Тетя Нюра кредит в банке брала. А мне где деньги взять? Студентке никто в долг не даст. Пожалуйста, не бросай меня.

– Почему ты сразу не сказала про больницу? – укорила я Ксюшу.

– Стыдно было, – призналась та, – я папашку ненавижу, и вдруг лечить его решила. Но не для него это делать собралась, а для себя. Никогда мне из убогой норы не убежать, жить придется с пьяным уродом. Если он трезвым станет, то не так плохо будет, может, на работу пристроится.

– Могу дать тебе нужную сумму, – вздохнула я, – но...

Ксения поморщилась.

– Понимаю, тебе неохота неделю в двушке жить и со мной таскаться парой уже осточертело. Уходи. Я справлюсь. Денег твоих не возьму. Мне подачки на бедность не нужны!

Я открыла рот, но не успела произнести ни слова, моя спутница вскочила и бросилась на улицу. Я помчалась за ней с криком:

– Ксюша, стой! – поймала девушку у подземного перехода, обняла ее и быстро заговорила: – Никуда я не денусь, мы проведем нужное время вместе, ты заработаешь денег. Но давай сообразим, что нам делать?

Королева зашмыгала носом.

– Ничего не делать. Мы удрали. Рубцов сам помер, я его не травила. Где мне яд взять? Да еще такой, чтобы сразу парня свалил? Его же в аптеке не выпросишь. И зачем мне Степу убивать? Я хотела с его помощью в тусню богатеньких попасть, рассчитывала, что понравлюсь ему. Он мог от болезни загнуться. У нас два месяца назад препод на лекции тапки откинул, нес, как всегда, чепуху, и опаньки! Нам потом объяснили: тромб у него оторвался. Кто знал, что мы с Рубцовым пошли в «Павлов»? Да пока никто, я собиралась рассказать всем о замечательно проведенном вечере только сегодня. Навряд ли официанты пафосного клуба узнают меня, даже если им сунут под нос фото. Таких, как я, там по тысяче штук за ночь пляшет. И с Нелькой мы столкнулись случайно, а уж то, что с ней случится инфаркт, ни одна душа предполагать не могла! Мы с Закоркиной не подруги, все вокруг знают, что Королева и Нели из разных компаний. Поехали домой, переодеться надо.

Глава 8

– Конечно, наша конура не идет ни в какое сравнение с хоромами Нельки, но я здесь чувствую себя в безопасности, – сказала Ксюша, нажимая на звонок. – Черт, дверь открыта.

– Эй, люди, – раздался из кухни пьяный голос, – я вам вкусное привел. Сюда, цып-цып, хрушечка! Ругаете папку, денег он вам, злыдням, не носит! Шубы не покупает! Гляньте! Жаркое вам привел! Поросенка! Небось любите его с гречневой кашей? Эй! Люди! Ау! Кто там пришел? Поросеночек, хрю-хрю, свинку мы ням-ням. Где нож? Дайте пилу!

Петр выполз в коридор.

– Милый папочка выглядит не как Том Круз! Грязные брюки болтаются на ногах, похоже, он ползал на карачках по тротуару, руки черные, морда вся синяя, и воняет он прикольно, надушился парфюмом «Запах помойки», – процедила дочь.

– Ксю, – бурно обрадовался родитель, – неси тесак!

– Если хочешь на наше счастье перерезать себе горло, ступай во двор или, еще лучше, езжай сразу на кладбище, мы сэкономим на катафалке, – ответила дочь.

Но алкоголика трудно обидеть.

– Скоро Новый год! – заявил он. – Что на стол поставим?

– Хозяйственный ты наш, – умилилась Ксюша, – не печалься, мать раз в двенадцать месяцев щей наварит, вот и полакомимся.

– У нас с Ирой будет поросенок! – возвестил папенька.

– Учитывая размер квартиры и наше материальное положение, думаю, больше нам детей не надо! – откровенно схамила Ксюша.

– Запеченный, с гречневой кашей, – уточнил отец.

– Прикольно, – кивнула Ксю.

– Мы его сейчас зарежем.

– Круто.

– Положим в авоську и вывесим за окно.

– Суперски.

– Он заморозится и сохранится, – почти трезвым голосом заявил Петр. – Где нож?! Иди разведи костер! Тушу опалить надо!

Ксения взглянула на меня.

– Папахен словил «белочку». Хотя все что ни делается, делается к лучшему, в фазе буйного помешательства его возьмут в дурку, а мы хоть немного отдохнем!

– Дай пилу, – выл алкоголик.

Девушка пошла на кухню, продолжая говорить:

– Надо на всякий случай спрятать острые режущие и колющие предметы, у нас есть парочка ножей, я их сейчас от греха подальше засуну в ящик с картошкой. А то папахен сначала прирежет виртуального поросенка, а затем возьмется за дочку, приняв меня за предводительницу зеленых человечков. Интересно, что у нас дома со жратвой? Как всегда, пусто, или хоть пакет кефира есть?

Я последовала за Ксюшей. Похоже, мне надо сбегать в супермаркет и принести продукты.

– Вау! – воскликнула Ксения. – Даша, глянь, на конфорке новая кастрюля, красная, эмалированная. Откуда она взялась? Ирка, когда ей в голову приходит идея сварганить баланду, берет мятую серую посудину. Приличную кухонную утварь папашка давно спер и обменял за водку.

Ксения подняла крышку.

– Рагу! Или как там правильно называется подливка, в которой плавают курица, картошка, грибы, морковка, зелень, лук.

Она схватила ложку и принялась есть прямо не отходя от плиты.

– Господи, – стонала она. – Откуда у нас ЭТО? Может, у Воробьевых, ближайших соседей, отключили газ, и они воспользовались нашей кухней? Невозможно остановиться, никогда не пробовала ничего вкуснее!

Из большой комнаты донесся вопль Петра:

– Стой, гадюка!

Затем послышались треск, стук, грохот и... визг явно перепуганного животного. Я бросилась на звук. Неужели пьяница и в самом деле притащил живого поросенка?

Петр сидел, привалившись к дивану.

– Не хочет выходить, – пожаловался он.

– Я тоже не пожелаю бы расставаться с жизнью, – вздохнула я. – А с кем вы сражаетесь?

– Со свинкой!

– И где она? – продолжала я увлекательную беседу.

– В софе, – икнул пьяница.

Я встала на колени, заглянула под диван и в горе пыли увидела кого-то, забившегося в самый угол.

– Ого! – вырвалось у меня. – Похоже, там и правда поросенок!

– Ну! – приосанился отец семейства. – Петр никогда не врет!

– Где вы взяли хрюшку?

– Нашел!

– По улицам Москвы свиньи не разгуливают, – усомнилась я.

– А он сидел!

– И не сидят, – добавила я.

– А этот отдыхал, – стоял на своем Петр, – около магазина, большого супермаркета!

Наверху светилась буква «М».

– Боюсь вас разочаровать, но это метро, – вздохнула я. – Значит, свинья бродила у входа в подземку?

– Он сидел! – икнул пьяница.

– Кажется, свиньи не способны сидеть, – засомневалась я.

– На заднице!!! – добавил металла в голос Петр. – У продмага с буквой «М»!

Ксения вошла в комнату и протянула отцу бутылку.

– Хочешь?

– Давай скорей, – затрясся он и схватил беленькую.

– Разве можно давать Петру выпивку? – возмутилась я.

– Не надо считать меня сволочью, которая потекает дурным привычкам идиота. В водку подсыпано лекарство, она заряжена на случай непредвиденных обстоятельств. Я пользуюсь этой уловкой лишь в том случае, когда отца нужно временно убрать из жизни. А сейчас именно такая ситуация, – мрачно объяснила Ксюша.

Через пару минут Петр захрапел, а я снова заглянула под софу.

– Ты там как? Милый!

Поросенок шумно засопел. Уму непостижимо, где потерявший человеческий облик мужик откопал беднягу. Небось свинский ребенок перенервничал и давно простился с жизнью.

Свинка чихнула.

– Понимаю тебя, – воскликнула я, – хозяйка отчаянная неряха, пыли полно, давай, выходи.

Белая тушка поползла вперед.

– Молодец, милый, – приободрила я Наф-Нафа, – никто тебя не обидит. Сейчас попьешь водички, успокоишься, ну же, котик, не бойся.

И тут из прихожей раздался детский голос:

– А мы с бабушкой на рынок ходили. Ксю, ты дома? Смотри, она мне куклу купила! Младшая сестра вошла в комнату, увидела меня и обрадовалась:

– Здравсти, тетя Даша!

– Иди уроки делай, – гаркнула Ксения.

Лера сжалась и нехотя потрусила в свою комнату.

– Внученька, отнеси сумку на кухню, – попросила Полина и кивнула мне. – День добрый!

– Здравствуйте, – ответила я.

– Я предпочитаю, чтобы вы звали меня Ксенией! – огрызнулась старшая внучка.

– Хорошо, – беззлобно согласилась старуха. – Отнеси, Ксюша, торбочку.

– Я не нанималась тяжести таскать! – буркнула та.

Я молча вышла в прихожую, взяла тяжелую поклажу и притащила ее на кухню.

– Спасибо вам, – поблагодарила Полина, – устала я очень.

Потом она подняла крышку кастрюли и спросила:

– Ксюшенька, понравилась курочка?

– Ничего, – неохотно признала девушка, – на фоне блевотины, которую готовит Ирка, эта вполне съедобна.

– Ты ложечкой из кастрюльки ела? – уточнила старуха.

– А надо руками лопать? – окрысилась Ксю.

– Лучше на тарелочку положить! – пропела бабушка.

– Ваш зять всю посуду пропил, – сообщила старшая внучка, – мы жрем из мисок.

– Ой, у тебя брючки грязные, – сменила тему бабка.

– Ирка никогда не пылесосит, вот я и испачкалась, – парировала моя напарница, – маман хен хозяйством заниматься не любит!

Полина села за стол.

– Послушай, детка!

– Не смейте так со мной разговаривать, – взвилась Ксения, – я вам не детка! Я взрослая!

– Тогда и спрос с тебя будет, как с большой, – внезапно отбила мяч Полина. – Мать плохо готовит?

– Омерзительно, – скривилась Ксения.

– Квартиру не убирает?

– Сами-то не видите? – прищурилась девушка. – В доме грязищи по колено.

Я молча слушала диалог, а Полина продолжала:

– Отец пьет?

– Без просвета.

– А ты уже выросла?

– И что? Куда вы клоните?

– Раз из детского возраста вышла, начинай проблемы семьи решать, – жестко заявила Полина. – Только малышам папа с мамой все на блюдечке несут, взрослый человек сам за себя в ответе. Не нравится мамина еда? Приготовь на всех вкусно. Грязь бесит? Возьми пылесос! Чего претензии предъявляешь? Сама хороша! Поела и ложку в раковину швырнула, кто ее за тебя вымоет?

– У нас Лерка с посудой возится, – растерялась Ксения, – это ее обязанность.

– А у тебя какая? Что ты для родных делаешь? – поинтересовалась Полина.

– Это они мне обязаны, как отец и мать, я их ребенок! – заявила Королева.

– Секунду назад ты сказала, что уже выросла, – засмеялась Полина, – неладно получается: как работать – ты маленькая, а гулять – большая. Ты уж определись!

– Я учусь! На одних пятерки! – выложила основной аргумент Ксюша.

– А родители работают! – пожала плечами Полина.

Внучка ринулась в атаку:

– Только мать, и она мало получает! Мы нищие.

– Засучи рукава и добывай деньги, – стояла на своем бабка, – не сиди на чужой шее. Как я посмотрю, ты из себя профессиональную несчастненькую сделала! За все неудачи родителей винишь! Они тебе недодали, недокупили, недолюбили. А ты им чем помогла?

Ксения покраснела и повторила:

– Я отличница! А Петька алкоголик!

– Ты любишь родителей? – неожиданно спросила Полина.

– Уроды! – выпалила студентка.

– Других-то не будет! – тихо произнесла бабка.

Ксюша вскинула брови.

– В каком смысле?

Полина провела рукой по протертой клеенке.

– С мужем разойтись можно, а родители навсегда, их не поменяешь. Я согласна, тебе достались не лучшие, но и ты оказалась слабачкой.

– Кто? Я? У меня сильный характер! И острый ум! – закричала Ксюша.

– Значит, тебе и быть главой семьи, – подвела итог Полина. – Они слабые, глупые. Ты сильная, умная. Кто за кого отвечать должен?

На лице Ксюши появилось выражение растерянности.

– И где деньги на хозяйство взять?

– Я тебе дам, – пообещала Полина, – на хорошее дело не жалко! В долг отстегну! Заработаешь и вернешь!

– А-а-а, – закричала из комнаты Лера. – Помогите!

Мы все кинулись на зов и увидели девочку, которая указала пальцем под диван.

– Вон, там что-то страшное.

– Что случилось? – озабоченно спросила Полина из-за моей спины.

– Белое и шевелится, – простонала Лерка.

– Петр поросенка привел, – пояснила я.

– Где ж он его взял? – всплеснула руками старуха.

– Говорит, у метро сидел, – уточнила я. – Ваш зять планировал его зарезать к Новому году, жаркое приготовить.

– Не дам убивать свинку, – затопала ногами Лера.

– Успокойся, – велела Полина, – никто папе безобразничать не позволит. Правда, Ксюшенька?

Я встала на колени и вытащила животное из укрытия.

– Матерь Божья! – воскликнула старуха. – Ну и чудо!

– Это не свинка! – завизжала Лерка и кинулась в прихожую.

– Кто ж это такой? – недоумевала Полина.

Я начала гладить трясущееся существо по спинке.

– Собака породы бультерьер. Булики слегка на свинюшек похожи, а уж для пьяного они точно хрюшки.

Полина присела около меня и тоже потрепала перепуганного пса.

– Похоже, молодой совсем.

– Щенок, – согласилась я, – месяцев шесть-семь.

У Ксюши затрезвонил мобильный.

– Алло, – нараспев произнесла она, – алло, не слышу. Дома плохо берет, перезвоните, я на лестницу выйду.

Старуха посмотрела вслед убежавшей внучке.

– Дарья, вижу, вы не бездомная. Почему решили снять угол у Королевых? Похоже, у вас денюжки водятся, в Москве гостиниц полно.

Я рассказала старухе про эксперимент профессора Прудкина, про Таисию и завершила повествование словами:

– Останусь с вами на неделю, сегодня принесу продукты. Понимаю ваше нежелание видеть здесь постороннего человека, но, к сожалению, я пока не могу вернуться домой. Придется терпеть вам меня до окончания эксперимента.

– Я тут на птичьих правах, – заявила Полина, – хозяйки здесь Ира и Ксения. Раз они так решили, я не имею права спорить.

– Даша, – крикнула из прихожей Ксюша, – иди сюда скорей!

Глава 9

Не успела я выйти к вешалке, как Ксю схватила меня за руку, вытащила на лестницу, захлопнула дверь и показала на свой телефон.

– Я сбросила звонок, но он сейчас снова наберет. Это Леон! Слушай...

Я хотела спросить, что происходит, но трубка заиграла мелодию, Ксюша нажала на экран и включила громкую связь.

– Нехорошо прерывать беседу, – произнес бархатный баритон, – невоспитанно.

– К оператору предъявляй претензии, – огрызнулась Ксения, – я не виновата, что мобильники плохо работают. Как ты узнал мой номер?

– Я могу все выяснить. Возвращайся.

– Куда? – прошипела Ксения.

– В «Монпалас».

– Никогда!!!

– Не волнуйся! – воскликнул Леон. – Там убрано. Кстати, ты в курсе, что произошло с неким Степаном Рубцовым?

У Ксюши подогнулись ноги, она медленно села на корточки, я опустилась рядом.

– Он оставил записку родителям, что уехал к приятелям, – вещал Леон. – Родителей в письме на хрен послал, типа, надоели! Его убить могут через пару дней, или он пропадет без следа. Вот они, «золотые детки», все такие! Нет бы учиться нормально, семью завести, а их тянет на подвиги. Зря ты хочешь в их компашке своей стать! Степана искать не станут! Предки на него разозлились, нахамил он им по полной. Если что с парнем позднее случится, никто не виноват, сам из дома ушел. Эй, Ксю, подай голос!

– Кха, кха, – выдавила из себя девушка.

– Отлично, а то я уж подумал, что ты онемела! Жду тебя в «Монпаласе».

– Зачем мне туда? – прошептала Ксюша.

– Поживешь в просторной квартире.

– Лучше дома останусь!

– Детка, – каменным тоном перебил Леон, – ты, похоже, не поняла! Раз я велю идти в «Монпалас», то ноги в руки и – ать-два, иначе плохо будет!

– Да пошел ты!.. – рявкнула Ксюша.

Потом она нажала на экран и посмотрела на меня.

– Нечего говорить: девушки не матерятся. Я с раннего детства терпеть не могла исполнять чужие приказы. Если воспитательница в яслях орала: «Все идут на горшок», – я в знак протеста залезала в шкафчик, откуда меня доставали объединенными усилиями три нянечки. Причем проделывала я этот финт, даже если очень хотела в туалет, могла описаться, но подчиняться не собиралась. Любое предложение в повелительной форме действует на меня как микстура непослушания. Вот если человек вежливо попросит: «пожалуйста», «будь добра», «помоги», тут я расстараюсь. Что молчишь? Ну, скажи: девушки не матерятся!

Я села на подоконник.

– Я не в восторге от ненормативной лексики. Но понимаю, тебя довели до взрыва.

Телефон снова зазвонил, Ксюша ткнула пальцем в экран.

Снова зазвучал голос Леона:

– Храбрый зайчик! А если в «Монпалас» полиция припрет? Угадай, кого они за убийство Степана арестуют?

– Никогда не заглядывала в гостиницу, о которой ты говоришь, меня там никто не видел, с Рубцовым я едва знакома, его друзья это подтвердят, – отрезала Ксю.

– Молодец, – одобрил Леон, – в особенности правильно выбрано слово «гостиница», оно должно всех убедить: Королева даже и не предполагает, что «Монпалас» – жилой дом. Ты умная, но страшная дура! В квартире полно твоих отпечатков пальцев, на подушке твои волосы, на зубной щетке, в ванной, в туалете остались твои следы. Про анализ ДНК слышала? И десяти минут не пройдет, как выяснится, что ты врешь, что ночевала в квартире, причесывалась, за все хваталась!

– Можешь убить меня, – еле слышно сказала Ксю, – но я ни за что не стану плясать под твою дудку.

Леон хмыкнул:

– Все люди пляшут, вопрос лишь в правильно подобранной музыке. Убивать тебя я не стану, вообще пальцем не трону, знаю, сама скоро прибежишь в «Монпалас».

– Пошел ты на... – выругалась Ксюша. – Не в твоих силах заставить меня подчиняться! И еще имей в виду, я не боюсь физической боли, зубы без заморозки лечу.

– Уже сказал, пальцем тебя не трону, есть другие методы убеждения. В последний раз спрашиваю: едешь в «Монпалас»?

– Желаю тебе сдохнуть! – отрубила Ксения.

– Считается, что каждый отвечает за свой выбор сам, но я думаю иначе: часто за чужие ошибки отвечает невинный человек, – сообщил Леон. – Чао, бамбина, сорри, ты сама так решила.

Из трубки полетели гудки.

– Вот! – гордо объявила Ксения. – Я его победила. Мерзавец. Нели в больнице, так маньяк решил мной попользоваться. Но я не Закоркина! Фиг ему. Теперь он понял: Королеву на фу-фу не взять.

Я посмотрела на нее.

– Леон зазывал тебя в «Монпалас», говорил, что Рубцов якобы уехал, оставив родителям хамскую записку. Давай предположим на минуту, что он не врет. Труп в апартаментах нет. Значит, Леон убрал его, несмотря на то, что охранник помчался вверх. Или секьюрити работает на Леона, и тот по его приказу куда-то спрятал труп. Леон подбросил родным Рубцова письмо сына. Раздобыл номер твоего нового мобильного. Чтобы проверить все это в рекордно короткий срок, надо обладать обширными связями, большими деньгами или служить в конторе, название которой я, бывшая советская женщина, не хочу произносить вслух. Вспомни ваш самый первый разговор. Леон сразу назвал тебя по имени. Откуда он его узнал? Того, что мы окажемся у Нели, не мог никто предвидеть, а решение остаться там возникло у нас спонтанно. И насчет ДНК он прав: твои следы по всей квартире. Тебе надо отнестись к ситуации серьезно.

– Ты тоже там кучковалась, – напомнила Ксения.

– Верно, – согласилась я, – но, похоже, я Леону не нужна. Охота идет на тебя. Опрометчиво было отсылать Леона в пешее путешествие с сексуальным уклоном. Тактика размахивания саблей над головой не всегда хороша. Иногда нужно действовать хитростью.

Ксения повертела перед моим лицом телефоном.

– Молчит. Значит, он отвязался.

– Или затаился, чтобы организовать феерическую гадость и заставить тебя вернуться в «Монпалас», – не сдалась я. – Знаешь, почему Леон жаждет вернуть тебя туда? Там он может подглядывать за тобой. Сейчас он нас не видит, не знает, что я тоже слушаю разговор. Не понимаю, что происходит, но ситуация мне не нравится.

– Ерунда, – махнула рукой Ксюша, – люди твоего возраста любят пугаться. А я молодая и не трусиха.

Я решила сменить тему:

– Давай сходим в магазин за продуктами.

– Ты не обязана нас кормить, мы не нищие, – мигом встала в позу напарница, – возьми только для себя.

– Я не люблю лакомиться под одеялом, – возразила я, – и всегда, собираясь в гости, прихватываю коробку конфет или вкусный сыр. Это не желание намекнуть кому-то на его безденежье, а хорошее воспитание. И, учти, по-настоящему богатые люди с удовольствием возьмут у тебя презент и обрадуются: «Оооо! Спасибо. Мы такое еще не пробовали». Комплексом «ничего не приму из чужих рук» страдают, как правило, те, кто боится, что их потом о какой-то услуге за кусок торта попросят. Пошли, оденемся!

* * *

По супермаркету мы с Ксюшей бродили очень долго. Сначала выбирали продукты, спорили, что лучше взять, потом, достигнув консенсуса, заглянули в кафе и славно поужинали. Когда мы наконец вернулись в родные пенаты Королевой, старуха смотрела по телевизору какое-то шоу, Петр храпел на диване, а Лера пыталась выучить стихотворение.

– Мороз и дождик, – разносилось по крошечной двушке, – не, солнце и снег, не... мороз и солнце, день не местный, не... солнце, день прелестный, зачем ты дрыхнешь, друг чудесный? Пора, давай, проснись...

– Во дает, – захихикала Ксения, разбирая вместе со мной пакеты, – Пушкин в гробу все бакенбарды вырвал, слушая Валерку. Вот же тупизна!

– Дзынь, дзынь, – затренькало в прихожей.

– Мамулечка пришла, – обрадовалась младшая дочь и загремела замком.

– Ну вот! Ирка с работы приперлась, – скривилась Ксю, – теперь все остальные могут забыть о спокойном вечере, сейчас начнет зудеть, гундеть, делать замечания или ляжет на диван, завязав лоб тряпкой, будет изображать умирающую. Мутер обожает корчить из себя больную, да и понятно почему: неохота ей убирать квартиру и готовить ужин.

– А-а-а-а, – заорала Лера, – убили-и-и!

– Умираю, – простонала Ира.

Ксения усмехнулась.

– Ну, началось.

– Мамулечка-а-а! – завопила Лера.

– О-о-о! – зарыдала Ирина.

– Сюда, сюда, – вступила в общий хор Полина, – осторожно! Надо врача вызвать.

– Бою-юсь! – завизжала Валера.

Я вышла в прихожую. Там стояла Ирина, но в каком виде! Волосы у нее торчали дыбом, из разбитой губы текла кровь, тушь с ресниц переместилась на щеки и подбородок, из глаз лились слезы.

– Что случилось? – воскликнула я.

Ира вытянула вперед руки.

– Я упала!

– Зачем тогда ты кричишь? В другой раз будешь внимательней. Помажь ссадины йодом и забудь о них, – посоветовала Ксюша.

– Он... хотел... убить меня... – лепетала Ира.

– Кто? – напряглась я.

Ирина прошла на кухню, обвалилась на табуретку и начала живописать события.

Когда она вошла в подъезд, в темном пространстве под лестницей стоял мужчина. Ирина решила, что он собрался справить малую нужду. Как вы поступите, наткнувшись на безобразника? Скорей всего быстро пройдете мимо, решив, что с человеком, использующим парадное в качестве туалета, лучше не связываться, но Ира начала совестить хулигана:

– Как вам не стыдно! Сейчас полицию вызову! Вас на пятнадцать суток посадят.

Незнакомец, не говоря ни слова, толкнул Ирину, та, не удержавшись, упала лицом на лестницу. Абсолютно молча парень ухватил женщину за шиворот, постучал ее головой о грязные ступеньки и ушел, так и не проронив словечка.

– Убить меня хотел, – захлебывалась сейчас слезами Ирина, – ограбить!

Я с сомнением посмотрела на нее. Навряд ли последнее утверждение верно, но все же надо уточнить.

– Сумка ваша где?

– В прихожей, – всхлипнула она, – я на пол ее бросила.

– Мужчина ее не отнял, значит, грабить вас не собирался, – резюмировала я.

– Зачем тогда он налетел на мамочку? – пропищала Лера.

– А не надо посторонним людям замечания делать, – язвительно ответила Ксения, – стоит себе человек в подъезде, не трогай его, он может и в рыло насовать.

Полина с укоризной посмотрела на старшую внучку, та скорчила ей рожу.

– Ирочка, – ласково запела бабушка, – тебе надо умыться, рану обработать.

– Не-ет, – капризничала Королева.

– Необходимо ссадины йодом залить, – вполне разумно объяснила старуха.

– Будет больно-о, – простонала Ирина.

– А мы с Лерочкой подуем, – воскликнула Полина. – Верно, детка? Скажи маме!

– Конечно, – пообещала та, – ветер под носом. Фу, фу, фу.

– Бо-ою-юсь! – зарыдала Ира.

Полина взяла ее под руки и повела в ванную.

– Ну, будь умницей! Лерочка, помоги. Сначала грязь смоем.

Ксюша скривилась.

– Приползи я в родной дом с оторванной ногой, домочадцы даже не чихнут. Что скажет Ирка, увидев в прихожей дочь без ноги? Стопудово заявит: «Круто! Теперь надо оторвать вторую – и никаких проблем с обувью, здорово сэкономим на Ксюхе!»

В кармане ее джинсов зазвонил мобильный, она схватила трубку и кинулась на лестницу, я выскочила за ней.

– Алло! – произнесла Ксения, включая громкую связь.

– Твоя мать домой вернулась? – раздался знакомый баритон.

– Леон! – подпрыгнула Ксю.

– Мать пришла? – повторил мужчина. – И как она выглядит? Неотразима? Да?

– Так это твоих рук дело! – ахнула Ксения.

– Сказал уже один раз, люди полагают, что сами платят за свои ошибки, я же придерживаюсь другого мнения: ты сделала неправильный выбор, а по губам получила твоя мама. И это только начало! Разбитое лицо заживет, хуже под машину угодить. Знаешь, как человека давить надо? Не до смерти! Чтобы потом еще сорок лет в кровати гнил, а ты на него смотрела и думала: «Ну почему я не поехала тогда в «Монпалас»? Трудно разве было?» Не волнуйся, тебя не тронут, я же обещал! И слово сдержу! Но в отношении матери и сестры никаких гарантий не дам!

– Мерзавец! – еле слышно сказала Ксения. – Что ты хочешь?

– Езжай в «Монпалас».

– Сейчас?

– Конечно.

– А что я дома скажу?

– Ты это всерьез? – развеселился Леон.

– Нет, в шутку, – буркнула Ксюша, – у меня нет ключей от апартаментов.

– Люди, пережившие стресс, часто страдают амнезией, не волнуйся, провалы в памяти пройдут, – ехидно сказал Леон. – Я видел, как ты сунула связку в карман куртки. Хватит бла-бла, возвращайся.

Глава 10

– Что делать будем? – спросила я, когда мы спустились в метро. – Мы не можем расстаться. Как объяснить Леону мое постоянное присутствие? То, что я живу у тебя, он никогда не узнает. Но в «Монпаласе» установлена аппаратура. Думаю, там есть «слепые» зоны, но вычислить их трудно, не могу же я постоянно находиться на одном пяточке.

– Если я не поеду в «Монпалас», урод нападет на мать или Лерку, а если ты не отправляешься со мной, то не видать мне денег, – с отчаянием воскликнула Ксюша. – За что мне это?

– Самое бесперспективное – это рыдать в момент неприятности, – вздохнула я, – от слез лучше не станет, из-за истерики последний ум потеряешь. Леон меня один раз видел, велел спрей для Закоркиной взять, но по имени не назвал. Значит, меня он не знает... Придумала!

– Правда? – с надеждой спросила Ксюша.

Я вытянула ноги.

– Сейчас декабрь, на мне угги, их носят все, так?

– Ну? – не поняла Ксения.

Я продолжала.

– Простой черный пуховик, джинсы «Уникло», они копеечные, но гениально сидят, поэтому я их покупаю.

– У меня такие же, – кивнула Ксюша, – только серые. У нас в вузе их почти все носят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.